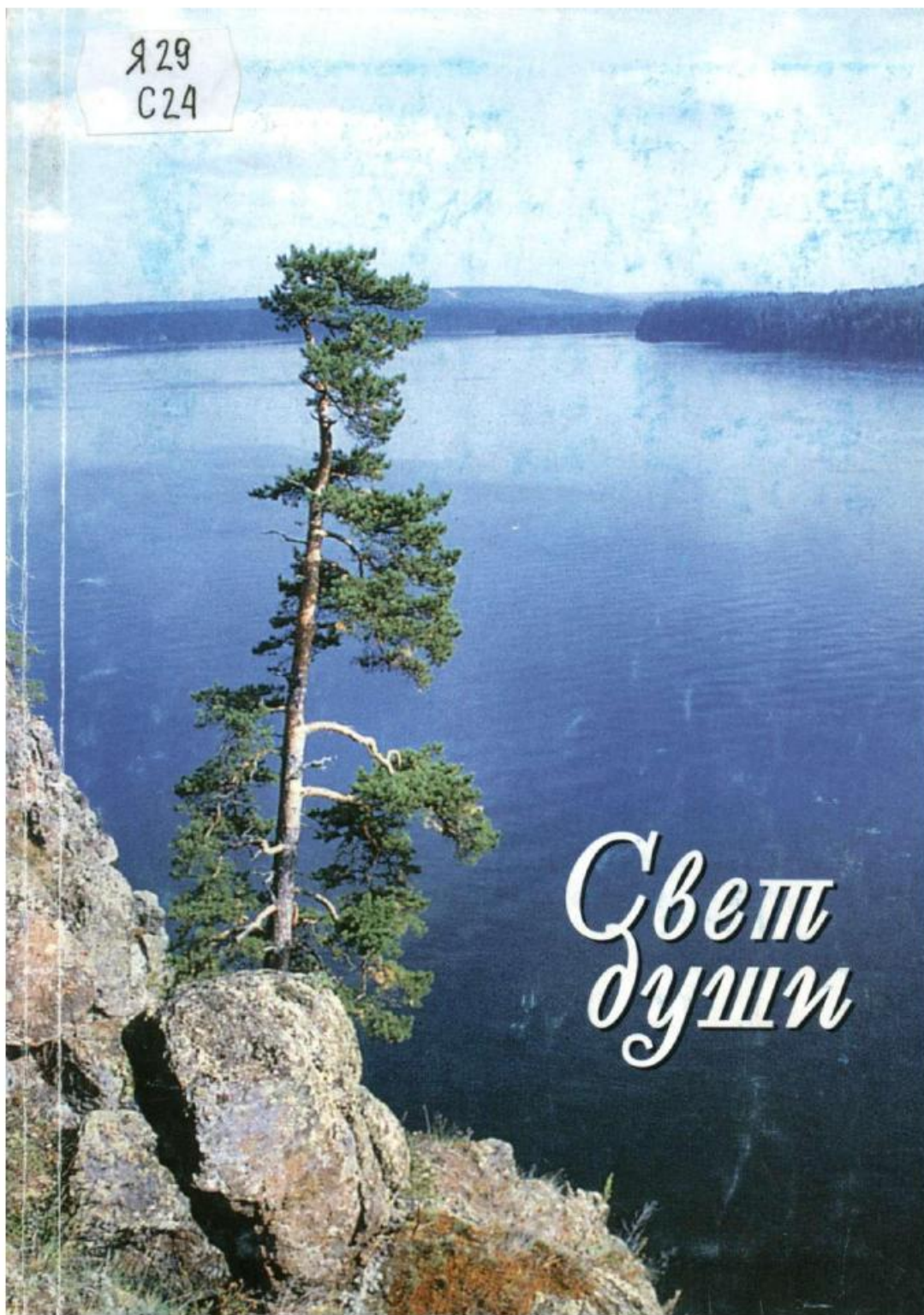
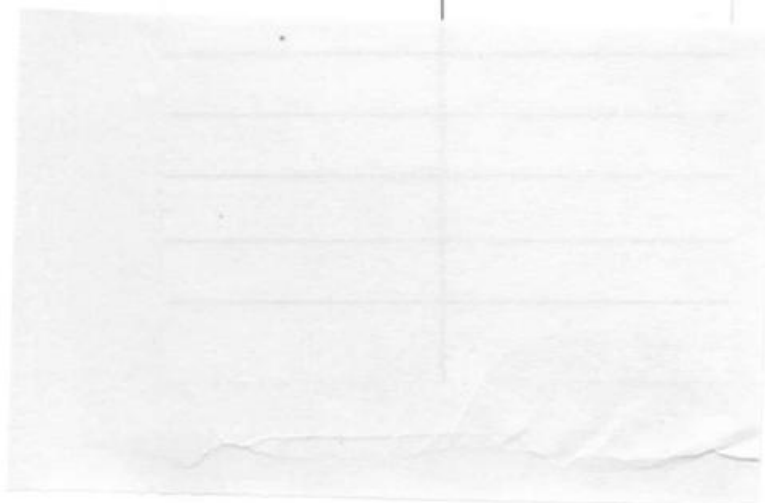

Я29
С24

*Свет
души*

Я29
С24

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ЯНЕ МАКСИМОВНЕ
АММОСОВОЙ**

СВЕТ ДУШИ

17416

КНИГИ ИЗ ЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ
Л.М.АММОСОВОЙ

Намская ЦБС РС(Я)	Ф АБ
----------------------	------

Москва
2000

828
А20

УДК 929:323

ВОСПОМИНАНИЯ
О ЯНЕ МАКСИМОВНЕ

Авторы и составители выражают благодарность Постоянному представителю Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации (октябрь 1999 — август 2000 г.г.), доктору педагогических наук, депутату Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) III созыва Егору Петровичу Жиркову, Председателю правления "Национального Республиканского Банка" Джулустану Анатольевичу Борисову.

Редакционная коллегия:

Л.М. Аммосова (ответственный редактор),
Н.Н. Колодезникова (редактор-составитель),
С.С. Винокуров, Н.Н. Васильева

1978

СВЕТ ДУШИ: Воспоминания о Яне Максимовне Аммосовой.
М., 2000. — 56 с., 10 л. илл. на вкл.

Сборник воспоминаний друзей, коллег и родных посвящен славной дочери якутского народа Я.М. Аммосовой.
В книге использованы фотографии из личного архива семьи Аммосовых.

- © Л.М. Аммосова, 2000 г.
- © Постоянное представительство Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации, 2000 г.

Москва
2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый человек имеет свои индивидуальные качества, с которыми он появляется в этом мире и уходит из него. Яна Максимовна Аммосова, дочь выдающегося государственного и общественного деятеля Республики Саха (Якутия) Максима Кировича Аммосова, была человеком, щедро одаренным природой многими замечательными качествами, удивительно добрым и оптимистичным.

Судьба распорядилась так, что Яна Максимовна и ее сестры Азлита Максимовна и Лена Максимовна рано остались без отца, вся тяжесть воспитания детей лежала на плечах Раисы Израилевны Цугель-Аммосовой. Будто предчувствуя, что жизнь детей будет трудной, родители передали им главное, то, чем обладали их незаурядные личности: это - стойкость, проницательный ум, целеустремленность, порядочность, доброту.

При первом же знакомстве с Яной Максимовной удивляли ее мудрые, добрые глаза, которые излучали внутренний, теплый и сильный свет. Она была частым и желанным гостем в Постоянном представительстве, принимала участие в проводимых нами мероприятиях. Яна Максимовна - замечательный оратор. Выступления всегда яркие, эмоциональные, конструктивные и содержательные. Запомнилось выражение ее лица во время выступления на праздновании 100 - летия Максима Кировича Аммосова в Москве, когда она коснулась детских воспоминаний об отце: «Мы шли с папой по пустынной аллее, и он держал мою ручку в своей руке. Стояла золотая осень. Повсюду лежали опавшие красные, желтые листья кленов, и я поддевала их своими ногами, подбрасывая над землей. Я чувствовала теплоту папиной руки, чувствовала спокойствие и уверенность, исходящие от него. И я была счастлива».

Свет личности - это понятие вмещает в себя очень много. Этот свет не исчезает и после ухода человека, продолжая согревать своим теплом всех, кто когда-то имел счастье быть озаренным его лучами.

Вот это и послужило идеей издания книги воспоминаний светлой памяти Яны Максимовны Аммосовой.

Некролог, опубликованный в газете «Якутия» 18 марта 2000 года

16 марта 2000 г. перестало биться сердце Яны Максимовны Аммосовой, известного ученого, дочери выдающегося сына якутского народа, крупного государственного и партийного деятеля, гражданина и патриота Якутии Максима Кировича Аммосова.

Яна Максимовна Аммосова родилась 24 августа 1931 г. в Москве. В 1949 г. она с золотой медалью окончила 57-ю среднюю школу г. Москвы. В 1949-1955 гг. училась и успешно закончила Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева по специальности инженер-химик.

В 1955-1959 гг. она работала младшим научным сотрудником в Институте горючих ископаемых АН СССР. В 1963 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме: «Изучение состава и свойств органической массы некоторых марок каменных углей Якутии», работая ассистентом кафедры органической химии МХТИ им. Д.И. Менделеева. В 1967 г. ее перевели ассистентом на факультет почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. В последние годы Яна Максимовна работала заведующей лабораторией химии органического вещества почв МГУ им. М.В. Ломоносова.

Я.М. Аммосова опубликовала 225 научных трудов, много усилий уделяла воспитанию научной молодежи, под ее руководством 13 аспирантов успешно защитили диссертации в области биохимии. С 1994 г. она являлась координатором Российского отделения Международного общества по химии гумусовых веществ. Возглавляла Совет ветеранов факультета.

Яна Максимовна много сделала для сохранения в памяти народов Якутии, Казахстана и Киргизии выдающихся заслуг своего отца М.К. Аммосова и его соратников. Она не раз бывала на родине отца, встречалась с общественностью и молодежью республики, активно участвовала в претворении идей, мыслей Максима Кировича об укреплении государственности Республики Саха (Якутия), возрождении родного народа.

Светлая память о дочери великого государственного и политического деятеля народа саха М.К. Аммосова, известного ученого, воспитателя молодежи Яны Максимовны останется навсегда в сердцах людей.

Николаев М.Е., Соломов Н.И., Филиппов В.В., Борисов С.С., Власов В.М., Акимов А.К., Долинин И.Н., Сивцев И.С., Березкин Э.Б., Васильева Е.С., Козлов И.В., Мучин М.В., Шипков Р.Ю., Жирков Е.П., Ядрев А.Н.

Памяти Яны Максимовны Аммосовой (Журнал «Почвоведение» № 4, 2000)

16 марта 2000 г. перестало биться сердце Яны Максимовны Аммосовой. Не стало прекрасного человека, доброго товарища и преданного друга.

Яна Максимовна Аммосова родилась 24 августа 1931 г. в семье видного политического деятеля, основателя якутской государственности, легендарного Максима Кировича Аммосова. Мать Я.М. Аммосовой, Раиса Израилевна Цугель, верный соратник, друг и жена М.К. Аммосова, была организатором молодежного и женского движений в 20-е годы в Якутии. В 1938 г. М.К. Аммосов, работавший тогда 1-м секретарем ЦК Компартии Киргизии, был незаконно репрессирован и расстрелян, а Р.И. Цугель исключена из партии.

Я.М. Аммосова в 1939 г. поступила в 1-й класс 57 средней школы Киевского района г. Москвы. В годы Великой Отечественной войны с матерью, работавшей в то время на заводе ЗИЛ, и сестрами эвакуирована в Восточную Сибирь (ст. Татарка), откуда вернулась в феврале 1942 г., сразу после перелома в войне. Училась она очень хорошо и в 1949 г. окончила школу с золотой медалью. Еще учась в школе, чтобы помочь семье, рано начала работать. Каждое лето она ездила в лагеря труда и отдыха, где работала пионервожатой. Она мечтала стать физиком, успешно сдала собеседование в МГУ им. М.В. Ломоносова, но ее не приняли как дочь «врага народа». Осенью 1949 г. она поступила в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева на топливный факультет. По окончании института осталась работать на кафедре переработки твердого топлива МХТИ. С 1954 г. Яна Максимовна бесстрашно добивалась полной посмертной реабилитации отца, которая была получена только в 1956 г. Первая из сестер поехала на родину отца, где также сделала все возможное для восстановления честного имени М.К. Аммосова. В 1963 г. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме «Изучение состава и свойств органической массы некоторых марок каменных углей Якутии». Прекрасно владела английским языком, в 1967 г. прошла научную стажировку в Англии.

На биолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова Я.М. Аммосова пришла в 1967 г. За годы работы на почвенном отделении биофака, а впоследствии на кафедре химии почв факультета почвоведения Яна Максимовна прошла путь от ассистента до ведущего научного сотрудника, заведующего лабораторией органического вещества Почвенного стационара МГУ. За 32 года работы в Московском университете, кардинально поменяв специализацию и направление своих исследований, Я.М. Аммосова стала известным специалистом, ведущим ученым в области изучения органических веществ различного происхождения: современных и ископаемых осадков, пелоидов, торфов, сапро-

пелей, морских отложений, бурых углей, почв природных и антропогенных ландшафтов. В сферу ее научных интересов входил широкий круг проблем, от анализа молекулярных параметров гумусовых веществ до изучения закономерностей формирования почвенного гумуса природных и антропогенных ландшафтов. Значительное внимание Я.М. Аммосова уделяла теоретическим и методическим вопросам загрязнения почв органическими токсикантами, разработке системы мониторинга нефтезагрязненных почв, изучала закономерности сорбции симазина гуминовыми кислотами чернозема, торфа, сапропеля, бурого окисленного угля, особенности поведения соединений кремния в системе почва - растение. В последние годы активно изучала агроэкологические аспекты использования нетрадиционных органических удобрений (гидролизный лигнин, сапрпель, осадки сточных вод, кремнийорганические соединения) и компостов на их основе. Она опубликовала 225 научных трудов, включая учебные пособия, подготовила более 35 студентов-специалистов в области химии почв. За цикл работ по изучению органического вещества почв в составе авторского коллектива была удостоена 1-й Премии Минвуза СССР; за экспозицию по изучению проблемы рекультивации дерново-подзолистых почв методом глубокой заделки навоза - Бронзовой медали ВДНХ. За успехи в работе и воспитании нового поколения была награждена знаком «Ветеран труда», медалью «850 лет Москвы», в 1997 г. получила почетное звание «Заслуженный научный сотрудник МГУ». Под ее руководством успешно защищено 7 кандидатских диссертаций, а двое ее учеников защитили докторские диссертации. Яна Максимовна готовила к защите докторскую диссертацию, но все время откладывала этот, с ее точки зрения, достаточно формальный акт, направляя свою неистощимую энергию на выполнение различных договоров, грантов, проектов, помогая в подготовке к защите очередных дипломных или кандидатских работ.

С 1994 г. была координатором Международного общества по изучению гуминовых веществ и руководителем его Российского филиала, состав которого в настоящее время насчитывает 65 членов. Мечтала о создании Российского общества, которое объединило бы заинтересованных ученых и специалистов-производственников многих смежных специальностей СНГ и Балтии. В течение последних трех лет активно создавала организационные структуры будущего гуминового общества. Много выступала с лекциями и докладами как в нашей стране, так и за рубежом. Побывала практически во всех странах бывшего СССР, а также в Болгарии, Польше, США, Японии, Германии, Италии, Швеции. Даже совсем недавно, будучи уже тяжелобольной, выступила с прекрасными докладами на Международном конгрессе по биоконверсии в Ивано-Франковске (Украина) и Международном совещании по изучению гуминовых веществ в Быдгоще (Польша). С февраля 1998 г. была членом редколлегии международного журнала «Humic Substances in Environment» (Польша).

Яна Максимовна была центром, своеобразным катализатором любых

начинаний. Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на ее долю еще в начале жизненного пути, она оставалась очень добрым и светлым человеком. Начиная еще со школьной скамьи, а потом в МХТИ им. Д.И. Менделеева, Яна Максимовна была бессменным членом комитета комсомола. В Московском университете им. М.В. Ломоносова была постоянным студенческим куратором, выезжала на летние учебные и производственные практики. Ее очень любили однокашники и просто случайные люди, оказавшиеся рядом с ней. И она отвечала всем еще большей преданностью и настоящей дружбой. Прекрасно пела и танцевала, любила путешествовать, занималась туризмом. Школьную и студенческую дружбу она сохранила до последних дней жизни. Постоянно всем помогала, не боялась отстаивать свое особое мнение, а нередко идти против течения. Особенно любила студентов, аспирантов, своих, да и не только, учеников, говорила: «они все мои дети». Яна Максимовна была истинным педагогом по призванию. Многие ее воспитанники, уже ставшие известными специалистами в своей области, приходили к Яне Максимовне за советом или просто пообщаться, получить от нее заряд бодрости и оптимизма. Последние годы возглавляла Совет ветеранов, не оставляя без внимания и помощи бывших сотрудников факультета почвоведения МГУ.

Светлая память о Яне Максимовне Аммосовой навсегда сохранится в сердцах друзей, коллег и всех знавших ее людей.

Л.К. Садовникова

Ягодин Геннадий Алексеевич,
доктор химических наук, член - корреспондент РАН,
действительный член Российской Академии образования,
ректор Международного университета

Трудно ворошить прошлое, даже если ты вспоминаешь близкого и дорогого тебе человека. Начну с того, что мы с Яной Максимовной были очень дружны и, может быть, даже больше чем дружны. Мы всегда понимали друг друга с полуслова. Нас объединяют трудно объяснимые чувства.

Познакомились мы в конце 40-х годов в Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева. С первых же дней мы начали активно общаться. Я тогда был секретарем комсомольской организации, и Яна сразу же присоединилась к нашей деятельности, была ее активным членом. Она училась на 2 курса младше, но разницы в возрасте не чувствовалось.

Яна Максимовна человек исключительно оптимистичный, образованный и культурный, редких душевных качеств, что встречается очень редко. Человек, направленный на социальную справедливость. Это был яркий талантливый человек, из тех, про кого говорят: «...они украшают жизнь». Слабому помогала обрести поддержку, сильному сделать еще больше – вот такие воспоминания о ней.

Яна унаследовала от своих родителей лучшие национальные черты и качества. Всегда гордилась тем, что она якутка. Очень красивая, всегда обаятельная и привлекательная.

Отец ее Максим Кирович – крупный партийный работник. К большому сожалению, его постигла участь миллионов невинных. Яна никогда не верила, что ее отец в чем-то виноват. Она всегда гордилась своими родителями. Раиса Израилевна – несгибаемая, мужественная женщина с острым политическим умом, которая была почитаема в семье. Это было заметно в разговорах, но тем не менее практически никогда не говорила о муже. Она никогда не верила, что её муж мог предать родину, в чем его обвиняли. Раиса Израилевна свято верила, что ее муж чистый, светлый коммунист.

Позже я прочитал всю литературу, связанную с именем Максима Кирова. И до сих пор не перестаю восхищаться этим человеком.

Яна в любом коллективе была его душой, всегда способной пойти на контакт с разными людьми, ободряя их, находя в них лучшие качества, умея эти качества усилить, причем на всех участках.

У меня тогда родился сын. С первых же дней его появления на свет Яна так привязалась к нему, что приходила к нему почти каждый день. Мы тогда жили в общежитии, условий практически никаких, но все были безмерно счастливы.

Потом она работала в Институте имени Д.И. Менделеева в качестве заместителя декана по работе с иностранцами. У нее было фундаментальное, интернациональное мировоззрение. Так что работать с иностранцами ей было легко и интересно.

Мы с полуслова понимали друг друга. Она очень тонко чувствовала, что творится в душе человека. Умела находить нужные слова, убедить в чем-то или переубедить в обратном.

Если вернуться к годам юности, то в моей памяти невольно всплывают наши комсомольские годы. Естественно, комсомол был очень разный в разных организациях, но он молодежный, и всех нас объединяла идеализация, в хорошем понимании этого слова. Мы жили весело с огромной степенью доверия и уважения друг к другу. То, что мы были так близки, можно объяснить, ведь комсомол очень коллективная организация. Такого тоталитарного лидерства, как в партии, в комсомоле не было. Мы часто ходили в походы, ездили в подшефный пос. Кривандино в Московской области: работали на полях, на строительстве, а в свободное время организовывали концерты, проводили тематические вечера.

Мы всегда поддерживали хорошие отношения. К сожалению, из-за нехватки времени собирались не так часто, как хотелось бы. Но всегда перезванивались. Яна Максимовна очень чуткий человек, всегда справлялась о моем здоровье и здоровье моей жены. Сама же никогда не жаловалась, никогда не просила помощи, несмотря на то, что серьезно болела. Она всегда воспринимала свои болячки с большим чувством стоицизма, оптимизма и даже юмора. Однажды, мы ее друзья, помогли ей устроиться бесплатно в санаторий. Так она потом нас всю жизнь благодарила. Неудобно даже как-то вышло...

Муж Яны очень умный человек, был секретарем парткомитета МФТИ, потом проректором по науке. От Янки у него очень много, т.к. у нее такое качество, что нельзя рядом с ней быть плохим человеком, невозможно сделать плохой поступок, она была как бы мерой совестливости.

Яна Аммосова: взлеты и падения

Интервью С. Винокурова (24 апреля 2000 г.) со студенческой подругой Яны Максимовны Аммосовой Галиной Моисеевной Варшал, профессором, доктором химических наук (Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН). Автор 260 научных статей и монографий, член бюро Научного Совета РАН по аналитической химии, Председатель комиссии по аналитической химии благородных металлов, член Научного Совета по аналитическим методам Министерства природных ресурсов, Председатель Московского семинара по аналитической химии.

— Галина Моисеевна, как Вы познакомились с Яной Максимовной Аммосовой? Какой это был год?

— Я познакомилась с Яной Максимовной Аммосовой в 1949 году в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева. Это был очень интересный год. И очень своеобразный народ собрался в Менделеевском институте. Все те, кто поступили в этот институт в конце сороковых, в начале пятидесятых, были объединены одной трагической судьбой.

В 1949 году, будучи золотыми медалистами, Яна и большинство из нас поступали в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. В тот период по всей стране шла, организованная Сталиным, борьба с космополитизмом, преобладала жуткая, я бы сказала, националистическая тенденция. В МГУ брали не всех подряд, а только избранных — по мнению власти имущих, самых лучших и достойных. Мы были изгоями по двум причинам. Первая причина: у нас были репрессированные родители. Вторая — по национальным признакам, как ни странно. Хотя в те времена в открытую говорили со всех трибун о национальном равноправии.

Спустя много лет я думаю, может нам в чем-то и повезло, что не поступили в МГУ. Потому что те, кто в эти годы выпустился из стен вузов по урановой тематике, очень многие из них, просто погибли в результате того, что не было совершенной технологии защиты людей. Я знала многих прекрасных людей, которые погибли от радиационного облучения. Вот например, Софья Арабажи, красавица-женщина, умерла от страшного облучения, которое получила во время работы над обогащением урана. Но эта тема для отдельного разговора.

Так вот, в тот момент, когда мы получив от ворот поворот, рыдали на пороге химического факультета МГУ, стояли посланцы Николая Михайловича Жаворонкова, ректора Менделеевского института. Они к нам подходят и говорят: «В чем дело, ребята? Не надо плакать. Идите в наш институт. Мы вам дадим самое лучшее образование, о котором вы и мечтать не могли».

Так мы с Яной среди других оказались в Менделеевском институте. Мы с ней учились на разных факультетах. Она — на топливном, а я — на силикатном, но общались постоянно. Дружили курсами. Надо сказать, что все те, кто учились в те годы в Менделеевском институте, явились основой того ядра, из которого вышли наиболее заметные фигуры в отечественной химии. Среди них — В.А. Коптюк, который был Президентом Сибирского отделения РАН, который до последнего времени отдавал все силы, всего себя для того, чтобы не дать погибнуть отечественной науке в перестроечные годы. Умер он в Москве от сердечного приступа, отстаивая жизнь Сибирского отделения РАН. Или О.М. Нефедов, который возглавил Сибирское отделение после смерти Коптюка. Они большие самородки. Без них невозможно представить современную отечественную науку.

Парни, с которыми мы дружили, занимали две с половиной комнаты в общежитии у станции метро «Сокол». Центром ядра была так называемая 109-ая комната. Кто это были? Марк Эпельбаум, ближайший друг Яны, будущий доктор химических наук, заведующий лабораторией Института экспериментальной минералогии в Черноголовке, Борис Бобров, замечательный парень, Толя Гитерман, Борис Варшал (мой бывший муж), будущий доктор химических наук, заведующий лабораторией Института стекла, Губайдулин (имя не помню), Алик Гродштейн, который поступил к нам из детского дома, тоже стал доктором технических наук. Все мы были дети репрессированных или те той национальной принадлежности.

Мы все держались друг за друга. Денег хронически не было. Стипендия была очень маленькой, ее не хватало. И ребята нашли хороший выход — питались вместе. Так было выгоднее и экономичнее. И Яна, и я постоянно ходили к ним в гости. Носили из дому что-нибудь вкусненькое, домашнее. Буквально дневали и ночевали там. В коммуналке у нас состоялась первая свадьба. Толик Гитерман женился на Светочке Сельской. Потом Борис Бобров — на Аде Царевой, которая была звездой института, ни один институтский вечер не проходил без ее участия. Как-то даже играла Чайку.

— Все те, кто знали или общались с Яной Максимовной, характеризуют ее как лидера, талантливого организатора, друга с большой буквы.

— Яна была очень популярной личностью. У нее была огромная любовь к людям и желание помочь им. И она это делала — помогала всем. Вы знаете, это Божий дар. Не каждому это удастся. Абсолютно все обожали ее.

Яна Максимовна совершенно бескорыстный человек. Сейчас я не могу вспомнить что-нибудь из молодости. В голову лезет одна неприятная история. Ее коллега (не буду называть имени и фамилии), книги которого она собирала и молилась на них, действительно, яркий талантливый человек. Учёный с мировым именем. Его книга «Химия почв» считается в мировой литературе шедевром. Даже я, человек в принципе далекий от химии почв, с большим удо-

вольствием изучала его произведение. В связи с тяжелой болезнью (*инфекционный полиартрит – от авт.*), доставляющий ему тяжелые физические страдания, он не мог двигаться, не мог руки поднять. И вот Яна в течение 20-25 лет всячески помогала, поддерживала своего учителя. Редактировала его статьи, систематизировала труды, издавала их, писала доклады и отчеты за него. Она всегда организовывала симпозиумы, конференции, юбилеи, все значимые мероприятия. А он, в свою очередь, не оценил этого, доставлял ей массу мелких неприятностей. Иногда даже доводил ее до слез. Не будет преувеличением, если скажу, что он внес "свою лепту" в ее раннюю смерть. Мы, ее друзья, никак не можем ему простить этого.

— Атмосфера того времени, наверное, каким-то образом на вас влияла...

— Конечно, мы все прекрасно понимали, в каком незавидном положении находимся. В любой момент могли вылететь из института. И это не самое страшное, что с нами могло произойти. В повседневной жизни мы тягот того времени не чувствовали. У нас не было ни одной свободной минуты, чтобы задуматься над ситуацией, которая царила вокруг нас. Может из-за того, что были молодые, ветреные. Даже не ветреными, а, я бы сказала, романтичными, что ли. Что такое настоящая свобода мы почувствовали в 1953 году, когда исчез этот кошмар. Слава Богу, он исчез вовремя. Потому что иначе бы нам совершенно не видать аспирантуры.

На третьем курсе Яна очень сильно заболела. Диагноз: туберкулез. В принципе она могла бы избежать болезни, но судьба нанесла еще один удар, которому Яна уже не смогла противостоять. Об этом говорить я не имею права. Это не моя тайна. К сожалению, тогда очень многие страдали этим недугом. Не было условий для нормальной жизни, не было полноценного питания, витаминов. Стоит ли об этом повторяться? По-моему, в этом нет необходимости. Все знают, что за времена были. Буквально с того света вытащила ее мама Раиса Израилевна Цугель. Мудрая и удивительная женщина. Она круглосуточно работала машинисткой. Никто не знал, когда она успевала отдыхать и знала ли вообще, что такое отдых. И все это для того, чтобы у Яночки были лекарства, хороший уход, мед, фрукты. Мы, ее друзья, постоянно к ней ходили в больницу. Каждый тащил все, что мог. Можно сказать, общими усилиями ее вытащили из лап смерти. На этом она потеряла год. Институт она закончила в 1955 году. С 1955 по 1959 гг. работала младшим научным сотрудником в Институте горючих ископаемых АН СССР. В тот же год поступила в очную аспирантуру на кафедру технологии топлива МХТИ им. Д.И. Менделеева. Руководителем у нее была, помню, профессор, доцент Каменева. Суровая женщина с каменным лицом, без мимики и эмоций. Этакая «Железная Леди». Но справедливая. В 1963 году Яна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме «Изучение состава и свойств органической массы

некоторых марок каменных углей Якутии». После аспирантуры хотела ехать в Якутию, чтобы быть полезной Родине отца. Не помню, что-то у нее не получилось, и Яна вернулась в свой родной институт — Институт горючих ископаемых при Академии Наук. Там она проработала несколько лет.

В 1967 году Яна Максимовна была переведена ассистентом на факультет почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. При реорганизации кафедры оставлена на кафедре химии почв в должности старшего научного сотрудника и и.о. заведующего лабораторией химии органического вещества почв, где и работала до последних дней. Ректором тогда был Геннадий Алексеевич Ягодин, с которым она была дружна еще со студенческих лет. Человек серьезный, талантливый, энергичный, бывший министр образования. Он и его жена Анна Тимофеевна очень любили Яну Максимовну и доверяли ей во всем. Татьяна, их дочь, закончила почвенный факультет у Яны Максимовны.

— Галина Моисеевна, говорят, Яна Максимовна всегда пользовалась успехом у мужчин.

— Да, это правда. Как говорится, что правда, то правда. Ее ум, талант, интеллигентность, в конце концов, красота сводили с ума многих парней из нашего института. Вот, например, Марк Эпельбаум, еще учась в институте, в буквальном смысле этого слова преследовал ее, добивался ее любви, просил стать его женой. Думаю, не он один был такой. Был еще грузин Лотар Хананашвили. Замечательный человек. Прекрасный ученый. Он долгое время работал в Ломоносовском институте. Последний раз я его встречала лет десять назад в Тбилиси. Он уже стал академиком, уважаемым человеком в Грузии. Кстати, и в России он мог сделать блестящую карьеру. У него есть колоссальные труды по органической химии, которыми зачитывается весь мир.

Яна со всеми своими поклонниками поддерживала самые теплые дружеские отношения до конца своих дней.

— Расскажите о последних днях Яны Максимовны. Вы часто общались?

— Нет, мы не общались часто. У каждого своя жизнь, свои заботы. Но в год два-три раза обязательно собирались. Яна Максимовна всегда нас спланивала, собирала вместе. Последний раз мы вместе собирались в ноябре 1999 года у Юрия Горбатого в Черноголовке. Его жена Нелли Гаспарянц просто обожала Яну, они были очень близкими подругами. В конце октября я приехала из Соединенных Штатов Америки, где живет моя дочь. За месяц пребывания на чужбине так истосковалась по Родине, что сердце попросилось к друзьям. Я позвонила к Яне и говорю: «Яночка, давно мы что-то не виделись. Может, соберемся?» Была еще одна причина для встречи. Наши закадычные друзья Бобровы собрались уехать в Германию. Мы с Яной решили: «Всё! Давай едем ругать. Не допустим, чтобы они нас покинули. Хватит и того, что от нас Эпельбаумы уехали».

На наше счастье Бобровы раздумали ехать в эту чертову Германию. Мы тут, конечно, на радостях выпили, посидели, погуляли и уехали часов в одиннадцать вечера. Никаких признаков того, что скоро она заболит не было. Выглядела она как всегда прекрасно, ухоженная, элегантная. Много говорила, шутила.

Потом Яна поехала в командировку в Польшу. Ей давно хотелось посетить Польшу. Она ведала делами Международного гумусовского общества, была уполномоченным этого общества в России. Среди ее библиотеки есть труды каждого из конгрессов. Они имеют значение не только для производства сельскохозяйственной продукции, но и для экологии, для изучения миграции загрязняющих элементов в объектах окружающей среды.

Как химик, она очень сильный специалист. Это во мне уже говорит не подруга, а коллега, профессионал. К сожалению, сельскохозяйственная наука и наука о химии почв во всех странах, даже в развитых, находится не на очень высоком современном химическом уровне, хотя проблема очень актуальная и назревшая давно. Она, как химик, знающий методы исследований, внесла очень большой вклад в развитие химии почв. Сейчас ее методами пользуются во многих странах мира: в Европе, Японии и т.д. А делала она это в сотрудничестве со многими институтами — с Институтом геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского, где я работаю, с Институтом экспериментальной минералогии в Черногловке, внося в химию почв те идеи, которые разрабатывались в смежных науках.

Мы часто обсуждали с ней какие-то проблемы, спорили на такие темы, как формы нахождения кремниевой кислоты и тяжелых металлов в объектах окружающей среды или формы миграции загрязняющих элементов в связи с реакциями с фульвокислотами и гуминовыми кислотами.

— **Галина Моисеевна, если можно, расскажите, пожалуйста, кратко о себе.**

— Даже не знаю с чего начать. Мне много лет. За свою жизнь я повидала столько — и хорошего, и плохого, что материала хватит на целый роман (смеется). Родители мои самые обычные люди. Отец — фронтовик, прошел через всю войну. Через Сталинград и Варшаву дошел до Берлина. У него была сестра Мария, которая жила в Белоруссии. Немцы расстреляли ее и трех ее девочек. Еще троих успел спрятать старик-лесник. Но когда об этом узнали фашисты, по чьему-то доносу, всю семью лесника и троих оставшихся детей тети Маши расстреляли на месте. Мама моя — доктор, во время войны была начальником госпиталя. Родственники со стороны матери все учёные. Среди них был человек, пример которого мне во многом помог. Это профессор Поляков, работавший в Институте мозга. Именно он исследовал мозг В.И. Ленина после его смерти, мозг В.В. Маяковского, Ромена Роллана и многих других выдаю-

щихся личностей. Его жена, моя родная тетка, была одним из лечащих врачей Василия Сталина во время войны.

Поскольку родители были на фронте, нас с братом приняла и фактически спасла от смерти во время эвакуации семья простых русских людей (пчеловодов) Ставровых.

Ничего такого яркого из своего детства не могу вспомнить. Одно время я всерьез увлекалась пением. Ходила в хор выдающегося русского дирижера А.Г. Соколова. Помню, в декабре 1949 года выступали в Большом театре на торжествах в честь 70-летия Иосифа Виссарионовича Сталина.

Вот пожалуй и всё. Дальше уже неинтересно (смеется).

— **В заключении, что Вы хотели бы сказать?**

— Я очень любила Яну и буду любить её всю оставшуюся жизнь. В памяти моей она всегда живая. Пусть земля ей будет пухом! Пусть все ее близкие, друзья и те, кто испытал на себе ее добро, хранят часть ее тепла, часть ее света и пронесут их через всю свою жизнь.

Хотелось бы, чтобы и в Якутии никогда не забывали ее имя, как не забывают имя ее отца — Максима Кировича Аммосова. Она это заслужила.

О Яне Максимовне Аммосовой.

Е.Н. Горохова, персональный пенсионер союзного значения, заслуженный работник народного хозяйства ЯАССР (июнь 2000 г.)

Светлая память видного политического и государственного деятеля Максима Кировича Аммосова тесно связана с его семьей, родными, детьми. Земляки и все те, кто его знал и работал вместе с ним, считают большим счастьем, что у него остались наследники. Несмотря на свою бурную революционную жизнь, Максим Кирович и Раиса Израилевна, создав крепкую семью, сделали свою жизнь полноценной и счастливой после рождения детей. Как следует из их биографии, первая дочь Аэлига родилась и росла в те годы, когда ее родители были заняты активной деятельностью по созданию новой жизни в своем родном крае. Максим Кирович тогда работал секретарем Якутского Губбюро РКП(б), а его жена Раиса Израилевна была избрана секретарем Ленского окружкома партии.

По воспоминаниям Раисы Израилевны и его дочерей Максим Кирович был счастлив, что у него есть дочери, очень любил их. Когда он с семьей поехал работать в Казахстан, в семье уже было двое детей. Сохранилась фотография, на которой мы видим, как Максим Кирович держит на руках трехлетнюю Яну: отец в тюбетейке народов Азии, курчавая дочь крепко обняла любимого отца. В 1937 г. родилась еще одна дочь, младшая в семье, Лена. Отец дал дочерям имена по названию двух северных рек родной Якутии: Яна и Лена.

Я знаю всех трех дочерей М.К. Аммосова: Аэлигу, Яну и Лену. Сначала я познакомилась с ними во время своей работы в Президиуме Верховного Совета ЯАССР. Наша взаимная дружба продолжается до сих пор.

Сейчас я пишу короткое воспоминание о Яне Максимовне. Она неоднократно приезжала на родину отца. Ведь Якутия стала родиной и для детей М.К. Аммосова. Они тесно общаются с родными отца и являются зачинателями многих дел по увековечиванию памяти Максима Кировича и Раисы Израилевны. Каждая из дочерей прожила интересную, насыщенную научной и общественно-политической деятельностью, жизнь.

Яна Максимовна родилась в 1931 г. Окончила школу в Москве с золотой медалью. Поступила в Московский химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева. После окончания института начала свою трудовую деятельность там же на факультете, где учились студенты из других стран. Затем поступила в очную аспирантуру и успешно защитила кандидатскую диссертацию. Диссертация была посвящена изучению свойств угольных ископаемых родной Якутии. Затем она перешла работать в Институт горючих ископаемых АН СССР, откуда перевелась в МГУ имени М.В. Ломоносова на биологический факультет, где проработала до конца своей жизни более 30 лет.

Яна Максимовна многого добилась в той области науки, которой она

занималась. А интересовала ее защита природных ресурсов, в частности, восстановление почв. В настоящее время ученые Якутии используют ее теоретические и практические выводы для решения важных научных проблем в исследованиях, применительно к развитию производительных сил республики.

В 1997 г. Яне Максимовне присвоено звание Заслуженного научного работника МГУ. В 1999 г. она завершала работу над докторской диссертацией, в которой обобщены результаты ее плодотворной научной деятельности. Яна Максимовна из года в год добивалась успеха в своем стремительном росте вверх по научной лестнице и была талантливым ученым России. Ее научные труды широко известны за рубежом, во многих странах выступала с научными докладами на многих научных зарубежных конференциях.

Бывая в Якутии, Яна Максимовна в своих выступлениях перед учеными, студентами, земляками говорила о малоизвестных вещах. Так, например, она хорошо помнила приезд С.М. Кирова в Казахстан и о дружбе отца с Кировым. Секретарь ЦК ВКП(б) С.М. Киров во время приезда в г. Петропавловск заходил в гости к Аммосовым в дом. Он взял девочку и поднял ее вверх. Маленькая Яна подумала, что ее держит на руках папа. Так они, Сергей Миронович и Максим Кирович, казались ей внешне похожими друг на друга: почти одинакового роста, плотные, красивые.

Яна Максимовна знала многих соратников, друзей отца и установила множество интересных данных об их жизни и совместной работе в разные годы.

В июне 1998 г. мне пришлось побывать с ней в санатории «БЭС Чагда» на отдыхе. Мы провели вместе незабываемое время. Я с удовольствием слушала ее бесконечные рассказы о судьбах товарищей отца и о семье Аммосовых. Радуюсь жизни, восхищалась она окружающей природой, достопримечательностями Подмосковья. С ней было очень интересно пройтись по паркам, гулять по берегу Москвы-реки. Много благодарных слов говорила она в адрес своей матери. Как известно, Раиса Израилевна является одним из организаторов комсомола Якутии. Работала она и на ответственных партийных и государственных постах. Оставшись одна после ареста мужа, она вырастила и воспитала своих дочерей. А у нее на руках были четырнадцатилетняя Азлита, шестилетняя Яна и двухмесячная Лена. Раисе Израилевне удалось дать дочерям хорошее образование и воспитать их в любви к своему отцу. Яна говорила, что только благодаря маме все стали учеными и всегда старались вести себя так, чтобы не уронить их чести.

Яна Максимовна сердечно, с любовью рассказывала о своих сестрах. Несмотря на огромные материальные трудности и моральный ущерб, им удалось поддерживать друг друга, держаться все время вместе и радовать свою маму, высоко держать имя великого отца.

Все дети, внуки М.К. Аммосова воспитаны в духе уважения и любви к

его родине и родственникам. Все потомки М.К. Аммосова считают якутов своими родными и близкими людьми. Яна Максимовна лично помогала многим якутянам в учебе и жизни. Много сделала для создания музеев М.К. Аммосова на родине, передавала ценные экспонаты о деятельности родителей. Вместе с сестрами Яна Максимовна устанавливала связь с соратниками отца. Ими собрано много воспоминаний, на основе которых впоследствии изданы книги о Максиме Кировиче.

Детей М.К. Аммосова любят и уважают на земле якутской, живо интересуются их жизнью. Особенно старшее поколение считает их родными, встречает всегда радушно, как живую, дорогую память о Максиме Кировиче. Не только дети, но и внуки, и правнуки Аммосова войдут в историю Якутии на многие годы вперед.

Яна Максимовна останется в памяти якутского народа как достойная дочь легендарного отца.

Мы жили с надеждой на будущее...

Регина Костылева, школьная подруга Я.М. Аммосовой

Глубокой осенью 1943 года, когда мы учились в пятом классе, в наш класс пришла новенькая девочка с необычной внешностью — большими карими глазами, черными кудрями. Ее звали Яна Аммосова. Каким-то образом стало известно, что она является дочерью крупного партийного и государственного деятеля, тогда считавшегося «врагом народа». Яна сразу вошла в коллектив, и мы начали дружить.

Вспоминая школьные дни, я не могу вспомнить никаких особых событий в нашей школьной жизни. Мы просто учились. Яна хорошо училась, не просто хорошо, а отлично. В этом отношении она всегда отличалась от нас. То, что она училась хорошо, вообще-то неудивительно. Потому что она была очень способная. Она всегда хотела познать глубину, докопаться до истины. Кроме того, что училась хорошо, она еще и была большой активисткой. Гражданский долг, гражданские черты у нее были сильно развиты. Наверное, не будет преувеличением, если скажу, что Яна готовила себя в будущем продолжить дело отца. Ее это безумно интересовало, поэтому, безусловно, общаться с ней всегда было очень интересно.

Наш класс был очень дружный, мы практически никогда не ссорились. Были, наверное, какие-нибудь мелкие ссоры, куда они денутся, но они давно вылетели из головы. В 1947 году, в девятом классе ездили на экскурсию в Ленинград. Всем классом собирали деньги. У одной девочки родственники были эстрадные артисты. Они устроили концерт, а вырученные средства передали нам. Наши родители разыгрывали лотереи. Правда, все они почему-то были беспроигрышные. В городе на Неве мы пробыли две недели, жили в школе, много фотографировались. От этой поездки остались лишь самые теплые и яркие воспоминания.

В школе мы часто посещали театры. У нашей одноклассницы Гали Колычевой был знакомый в Большом театре. Через него доставали билеты (а тогда билеты достать было невозможно), часто ходили и в консерваторию на Большой Никитской. Мы ведь жили в таком районе, где до всего рукой подать. Школа находилась возле Кремля, Яна жила на Манежной улице, я — на Гоголевском бульваре (м. «Кропоткинская»). Нас воспитывала сама земля, по которой мы ходили. Она историческая — священная. Каждый дом, каждая улочка связана с чьим-нибудь именем. С большим удовольствием ходили также в актовый зал университета, где часто проводились интересные мероприятия.

Читали мы, в основном, классическую литературу — Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького. Это мы потом с Яной перешли на легкое чтение — обожали Маринину.

Как я уже говорила, она была большой активисткой в школе, позже – в институте. У нее были задатки организатора. При желании, я так думаю, она могла бы быть крупным общественным деятелем. Не хуже, скажем, чем И. Хакамада и Э. Панфилова. Она может руководить людьми. Но судьба повернулась к ней спиной... У нее был момент в жизни, когда она могла пойти по комсомольской линии, например, как В. Матвиенко. В школе она несколько лет была комсоргом, в институте тоже. Ее рекомендовали избрать в бюро райкома. Но каким-то образом то, что она дочь «врага народа» повлияло на решение райкома. И все вдруг поднялись, засуетились, был шум. За квартирой ее семьи всегда было наблюдение, дежурили какие-то странные типы, как я понимаю, КэГэ-Бэшники. Естественно, ее не приняли. Яна была сильно расстроена.

В школе все очень любили Яну. Запись из дневника Беруте Беккер, нашей школьной подруги: «08.01.46. Сегодня я встретила в столовой Яну Аммосову. Как приятно с ней поговорить, чувствуешь себя в совсем другом мире: разговоры интересные, умные, шутки остроумные, веселые. Как я мечтаю с ней подружиться». Не помню в каком классе это было, однажды мы отмечали день рождения В.И. Ленина. На доске висел портрет вождя. Выходит Яна и начинает читать стихотворение:

«Грудой дел,
суматохой явлений
День отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате
Я и Ленин –
Фотография на белой стене...»

Мы долго сидели молча под впечатлением. У нее был красивый голос, выразительный, сильный. Наша учительница по русскому языку и литературе Клавдия Александровна Камкова дружила с великой русской поэтессой Маргаритой Алигер. И она пригласила ее на какой-то вечер. Либо на ноябрьские праздники, либо на День Победы, не помню. Яна читала "Зою" М. Алигер. Потом учительница рассказывала, что Маргарита Алигер была очень тронута и взволнована.

Да, у нее были ораторские способности. И не только. У нее было много способностей. Трудно человеку, когда у него много способностей. Ему трудно себя проявить конкретно в чем-то. К сожалению, Яна не исключение, она всегда находилась в поиске... Всю жизнь она занималась общественной деятельностью. До последних дней она что-то организовывала у себя на работе. Например, организовала 25-летний юбилей родного факультета в декабре 1999 года. Это было незадолго до смерти.

Яна любила науку. После окончания института она хотела ехать в Якутию – на родину отца и продолжить его дело, если не в общественном плане, то в научном точно.

Их семья каждый день расплачивалась за мнимую вину отца. Яну не приняли в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, там ей так и сказали в лицо: «Дочери врага народа здесь не место!» Это было огромное потрясение. Поэтому Яне пришлось поступить в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. На втором или на третьем курсе у нее обострился туберкулез. Помню, ей поддували легкие. Практически всю жизнь она прожила без одного легкого. Много неприятностей доставляла ей болезнь. Чудом Раиса Израилевна вытянула ее. В то время все болели туберкулезом - я болела, брат у меня болел. Ничего не скажешь, дети войны, чего-то мы недополучили в этой жизни.

Мама Яны мудрая и удивительная женщина. Ее счастливая жизнь оборвалась в 1937 году, когда арестовали ее мужа - Максима Кировича Аммосова. Началась другая жизнь – полная забот и тревог. Она сразу поняла, что в Москве ей и ее детям спокойно жить не дадут, потому на скорую руку собрала вещи и уехала в деревню, что спасло семью от преследований и голодной смерти. Это во-первых, а во-вторых, уехала, потому что не хотела ставить под удар людей, которые помогали им. А таких было немало.

Честно говоря, я не очень хорошо знала ее сестер. Мы не были близки. Аэлига была старше нас на 7 лет. Когда мы учились в 5 классе, она уже училась на 1 курсе института. Ее мы очень мало видели. Аля, как старшая, всегда заботилась о сестренках. У них были очень теплые отношения. К сожалению, самая тяжелая жизнь досталась ей. Из-за клейма: «Дочь врага народа» она не могла устроить личную жизнь.

Леночка тогда была маленькая. Разница с Яной у нее шесть лет. Она у них самая, я бы сказала, жизненная, менее романтическая, настоящая.

Знаю одно: девочки очень заботились о матери. Понимали ее с полуслова, жалели ее, сочувствовали. Семья такая примерная была, образцово-показательная.

Раиса Израилевна была замечательной и гостеприимной хозяйкой. Нас, подружек Яны, она очень любила, никогда нас не отпускала не накормленными. Я до сих пор вспоминаю ее макароны с толстыми сардельками и кислую капусту. У меня в семье почему-то кислой капусты никогда не было, а я её обожала. Поэтому у Аммосовых я ею наедалась досыта.

Мы даже однажды Новый Год вместе встречали, уже будучи взрослыми, учась в институте. Стол был скромный по сегодняшним меркам. Но не это главное. Главное – мы умели радоваться жизни, жили с надеждой на будущее и любовью к близким.

Квартирка у Аммосовых была маленькая, тесная, но всегда уютная, ухоженная. Вся семья ютилась в одной маленькой комнате. В большой – комнате отца, жить было невозможно, потому что она не отапливалась. В зимнее время там было жутко холодно. С ними еще жила старая бабушка – мать Раисы Израилевны. Практически в одной комнате жили 5 человек. Позже из кухни они сделали еще одну комнату. В итоге: трехкомнатная квартира.

У них была прекрасная библиотека. Столько редких книг было в ней. Раиса Израилевна постепенно их продавала, чтобы как-то прокормить девочек. Жизнь была тяжелая. И может быть, это единственное, что помогло им выжить.

Им здорово помогали якутяне – мясом, рыбой, теплой одеждой. Яна одно время ходила в меховых сапожках – унтах, если я правильно выражаюсь. Позже – в собольей шапочке. Однажды по какой-то причине у меня болели ноги. И Яна дала мне поносить свои унты. Помню, они были такие мягкие, теплые. Домой я шла такая счастливая. Какой там шла? Летела. Боль как будто рукой сняло.

12 мая в 1956 году Яна вышла замуж за Юрия Красникова. С ним я училась в институте в параллельных группах. Они познакомились на дне рождения другой нашей одноклассницы Милы Черновой. Та в свою очередь вышла замуж за приятеля Юры. Мила мне потом говорила: «Никогда не забуду, какие у Юры были глаза, когда он смотрел на Яну в тот вечер». Мы всячески способствовали, чтобы они часто встречались. Конечно, я не могу сказать, что мы были сводни. Но в какой-то мере – да. Когда ко мне приходила в гости Яна, я потихонечку звонила Миле и говорила, что у меня Яна. Она в свою очередь звонила Юре и приглашала прогуляться. В итоге мы должны были случайно встретиться у меня дома.

И вот настал день свадьбы. По большому счету отмечали реабилитацию Максима Кировича. Все было перемешано, и свадьба, и реабилитация отца, и радость, и слезы. Гостей было немного. Никого из них я не знала. Помню, была женщина, которая только что вернулась из лагеря. Она рассказывала, что выжила благодаря тому, что ни одного документа не подписала, отвергла все обвинения. Рассказывала, как там она жила, работала на лесоповале, какие песни пела, как радовалась жизни, солнцу, птицам. Я часто вспоминаю эту героическую женщину и восхищаюсь ее жизнелюбием и стойкостью. Ведь в те времена сломать человека, уничтожить его ничего не стоило. Женщина говорила, что Максима Кировича загрызли собаки в яме. Я не берусь утверждать, так это было или нет.

Также за столом напротив меня сидел мужчина, который, как мне потом рассказывала Яна, написал донос на их отца. Его, конечно, заставили. Раиса Израилевна простила его и даже на свадьбу пригласила.

Яна Максимовна большой трудоголик. Нет смысла доказывать это. Об этом все знают. После окончания института я работала в Научно-техническом

Ивановская Людмила Николаевна, однокурсница Я.М. Аммосовой

Говорить о Я.М. Аммосовой и легко, и тяжело... Легко, потому что она, была человеком общительным, жизнерадостным и жизнелюбивым, наше общение с ней было легким, простым по-человечески и очень хорошим.

А тяжело - потому, что сразу вспоминается тот вечер, когда раздался звонок, муж мой подошел к телефону и услышал, что нашей Яны больше нет...

Познакомились мы с Яной в 1949 году. Впервые мы увидели ее на отчетно-выборной комсомольской конференции, которая в те годы проводилась в октябре. На трибуну взошла первокурсница, поразившая нас своим необычным выступлением. Вскоре организовалась целая компания, под «кодовым» наименованием «стодевятники», - это название шло от комнаты в общежитии, где мы чаще всего встречались. В число «стодевятников» входили студенты разных факультетов и разных национальностей. Среди них были Галя Гурвич-Варшал, Ада Царева-Боброва, Светлана Сельская, Яна Аммосова (топлив.), Толя Гиттерман, Борис Бобров, Боря Варшал, Артем Равич (силикатный), Юра Юрков (спец фак.), Люся Свечкина-Ивановская (физ.хим.), Галя Широкова (неорг.), болгары - Данча, Светла Райчев. Были среди нас и венгры, и корейцы (северные), но их фамилии я не помню.

Публика собралась неординарная, но интересы наши совпадали. Позднее многие из нашей компании стали докторами наук по различным специальностям. Все защитили кандидатские диссертации. Данча стала членом правительства Болгарии. Светла Райчев - ректором и зав. кафедрой софийского технологического института.

Яна была душой компании, потому что какая-то жизненная сила ее была настолько велика, что заряжала нас всех.

Вспоминаю встречу 1951 года. Новогодний праздник. Мы его праздновали в общежитии. Яна как бы открывала этот праздник. Она, Данча, Светла (эти иностранцы были тогда совершенно непохожими на нынешних студентов из-за рубежа), и мы, конечно, все организовали такой хоровод - с первого по пятый этаж и обратно через весь корпус; все общежитие «гудело» при том, что все было прилично, красиво, без «эксцессов».

Яна с большой увлеченностью занималась общественной работой. Она была членом комитета ВЛКСМ института, а затем зам. секретаря по политической работе. Вначале секретарем был Г.А. Ягодин (впоследствии - секретарь Советского райкома комсомола, доктор химических наук, член-корреспондент АН, академик Академии Высшей школы, министр Высшего и среднего образования), затем секретарем был избран Кириченко Э.А. (впоследствии доктор химических наук, ректор Новомосковского филиала МХТУ им. Д.И. Менделеева). Эдуард Александрович пришел в институт с фронта; был он на 5-6 лет постарше нас, относились мы к нему с превеликим уважением. Яна отвечала, бу-

дучи замом секретаря, за политрабату. На всех конференциях, общепитутских собраниях Яна выступала всегда второй. Вначале - секретарь комитета, потом она. Выступления ее были политически направленные, четкие; выступала интересно, она говорила с каким-то азартом.

Часто мы бывали у них дома. Жили они в центре на Манежной улице.

Когда человек рядом, не задумываешься - что он из себя представляет, как он живет. А когда вспоминаешь, задумываешься, как сейчас, то становится ясно, что жили Аммосовы материально тяжело. Меблировка квартиры, одежда, еда - все самое примитивное. Квартира состояла из трех небольших комнат, одна проходная, в одной жила Аля, в другой Яна, Лена и Раиса Израилевна, в проходной комнате была отгорожена кухня. Помню, однажды ко дню рождения Яны мама сшила ей зеленое платье - юбка и салатового цвета кофточка. В этом наряде, подчеркивающим ее красоту (она вообще была очень привлекательная, глаза черные), она была воплощенное очарование. Для Яны это был настоящий праздник.

Бывало, Яна привозила нас, целую ораву, к себе домой. Мама ее относилась к ребятам с большой душой. По мере возможности, на стол ставилось угощение скромное, обыкновенно чай и сушки. Старшая сестра Аля была уже взрослым, самостоятельным человеком; младшая, Лена, еще в ту пору маленькая, очень к нам тянулась, а мама их тому способствовала. И Лена Максимовна может быть поэтому нас всех прекрасно помнит. Яна никогда не говорила о своем отце. Честно говоря, о судьбе М.К. Аммосова я узнала от Раисы Израилевны - что произошло, кем был папа Яны. Да и то - был к тому повод: Р.И. Аммосова в сердцах сказала, что - мол, думала, все забыто, а сегодня ночью опять приходили (шел 1950 год)....

На XX съезде партии в 1956 году Н.С. Хрущев назвал многие события сталинской эпохи своими именами. Я тогда спрашивала у Яны: «Как на все это прореагировала твоя мама?» Она ответила, что Р.И. Аммосова даже после 1956 года не потеряла веры в Сталина, не связывая с его именем несчастье, обрушившееся на ее семью. Наверное потому ее девочки были беспредельно преданы делу комсомола, а потом партии. Возможно поэтому злобы, как это ни странно, у них не было... Они как-то верили в чистоту человеческих идеалов. Эта чистота у Яны сохранилась по отношению к людям, и по отношению к работе; легко было с ней в этом отношении.

Когда Яна училась на третьем курсе, случилась с ней беда: она серьезно заболела: открытая форма туберкулеза. Все родные и мы, близкие друзья, очень переживали. Сначала Яна оставалась дома, потом ее положили в больницу. Мы по очереди навещали ее, приносили ей еду, хотя собрать ее в то время было трудно. Янка очень мужественно переносила обрушившееся на нее несчастье. Она выполняла все предписания врача и болезнь была побеждена. Она на год

еще от нас отстала и когда она заканчивала институт, нас уже в институте не было.

Позже я опять встретила ее в институте. Это было в 1963 году. Яна к тому времени защитила диссертацию по теме: петрография углей. С 1965 г. мы вместе работали в деканате; я - в неорганическом, она - в деканате для иностранцев. Иностраный деканат был единый, а учились студенты на разных факультетах. Естественно, «ее иностранцы» учились у нас. Лекторы, преподаватели, кураторы были общие, поэтому между нашими деканатами был тесный контакт. Поражало, насколько она умела подойти к людям, приехавшим из-за рубежа. Люди были разные. И те, которых наше правительство обучало на свои деньги (так сказать, по партийной принадлежности), и «капиталисты» - довольно обеспеченные, социально независимые. Подход к ним должен быть различный. Яна, это хорошо понимая, ко всем относилась с присущим ей дружелюбием. Бывало, придешь к ней в деканат, так некогда было чай попить: у нее всегда полно народу. Какая-то внутренняя доброта притягивала к ней сердца.

Мы часто с нею выезжали в общежитие, смотрели как студентам живется, какую можно помощь оказать.

Яна работала в деканате, как когда-то в комсомоле, с большим энтузиазмом, она любила студентов, и они платили ей тем же. Года два продолжалась работа Яны Максимовны на кафедре топливного факультета и в деканате, причем, эта последняя была для нее основной. Деканом был Е.И. Сурков - доцент кафедры технологии неорганических веществ. Он занимался организационными делами, а Яна - делами студенческими, учебными. В 1967 ее пригласили в Московский университет и она ушла на почвенный факультет. С того момента научная, профессиональная связь между нами прекратилась. Но мы часто встречались, в основном, на днях рождения. Чаще всего в семье Геннадия Алексеевича и Анны Тимофеевны Ягодиных.

Где-то в середине 90-х годов мы случайно встретились с Я.М. на конференции по экологически чистым технологиям. Конференция проходила на теплоходе. Мы плыли по Чудскому озеру до Кижей и обратно.

Я.М. выступала с докладом по технологии получения экологически чистого биогумуса. Доклад ее был очень интересным. Я слушала ее и видела перед собой прежнюю Яну с молодым задором в глазах. Доклад вызвал большой интерес, было много вопросов, на которые она давала исчерпывающие ответы. Прослушав ее доклад, я поняла, что Яна нашла свою стезю, которая позволила ей занять достойное место в науке и жизни. Последняя наша встреча состоялась в 1998 году. В Москву приехала Светлана Сельская (она вместе с Яной была членом комитета ВЛКСМ института). Мы поехали к Яне на новую квартиру. Встреча была очень радостной, хотя у Яны было высокое давление. Мы весь вечер вспоминали нашу жизнь, наших друзей. Она нас накормила очень вкус-

ным обедом, напоила чаем, выпили мы за всех нас, потом пришел Юра. В качестве примера приведу один случай. Однажды, где-то в 1973 году, Сельская Светлана была проездом в Москве и заболела воспалением легких. Яна организовала всех друзей, чтобы ее навещали в больнице, сама ходила почти каждый день, готовила ей вкусную еду и после больницы забрала ее к себе домой и выхаживала ее дома, потом отправила в Жигулевск. В 1975 году у меня была серьезная операция и первой, кого я увидела после перевода меня из реанимации в палату, была Яна. Когда к нам впервые пришел Юра, мы встретили его очень настороженно (я возвращаюсь ко времени, когда мы только закончили институт). К нашей компании он не принадлежал. Узнав его лучше, полюбили этого удивительного, очень скромного, немногословного человека. Разные с Яной по характеру, они оказались прекрасной парой, очень хороший у них сложился семейный союз. Страшно переживали они семейную трагедию - когда зять погиб в катастрофе...

Пятьдесят лет жизни. Когда мы были вместе, не приходила мысль давать оценки, рассуждать - какая она была, моя подруга! Когда же человека уже нет в живых, думаешь о нем больше. И понимаешь, насколько дружба была у нас серьезной, прочной.

После последней встречи мы с ней несколько раз перезванивались. Состояние ее нас очень тревожило, но не могу себя простить, что не поговорила с Леной, Юрой. А вдруг могла бы чем-нибудь помочь? Последний разговор состоялся примерно за неделю перед кончиной. Мы с ней поговорили о всех наших делах, она всех вспомнила и о всех спросила, но было видно, что устала. Юра отобрал трубку.

Вспоминаю старшую сестру Яны - Алю. В частности, тот период, когда она работала над кандидатской. Период, когда у нас в стране муссировалась тема поворота некоторых северных рек для орошения засушливых южных территорий. У Али, специалиста по водоканалам, как раз была работа по какому-то Среднеазиатскому водоему; потом оказалось (как нередко у нас бывает - от одной крайности к другой), что «теория ненаучная», и работа, проделанная Алей, «зависла». Яна тоже переживала такой поворот событий. Несколько воспрянуло семейство Аммосовых, когда они получили квартиру, ту, что была на Университетском проспекте. Однако радость вскоре сменилась печалью - умерла Ранса Израилевна, мама Яны, умерла Аля. Жила семья, насколько мне известно, очень тяжело в материальном плане. Занятия наукой - едва ли путь к обеспеченности...

Яна и Лена, сестры, были как-то по характерам ближе друг к другу; Аля - отличалась.

Что касается устремленности в область научную, то, по-моему, это был результат их одаренности. Тот факт, что Яна не защитила докторскую, я объяс-

няя состоянием ее здоровья. Болезнь давала серьезные осложнения: Яну часто мучило высокое давление. Много сил Яна отдавала воспитанию внука. Фактически Яна Максимовна была вполне достойным доктором наук, если анализировать ее вклад в науку. Я не думаю, что в науку их толкала мама. Скорее всего, эта тяга к научной деятельности шла откуда-то изнутри. Они ведь все очень хорошо учились.

Связь с семейством Аммосовых у нас была многоплановая. После окончания института Лена Максимовна Аммосова пришла на работу в отдел, которым руководил мой муж Ивановский Геннадий Фомич, доктор технических наук, профессор, академик АТН России. Он был научным руководителем ее диссертационной работы, которую она успешно защитила. Возможно, наша дружба с Яной, в какой-то мере, решила и судьбу Лены. Мама, Раиса Израилевна, была очень сильным человеком. Яна Максимовна рассказывала мне, как иногда, в военные годы, семью будил ночной стук в дверь, как производили обыски, особое внимание проявляя к книгам. Как трудно было одной воспитать троих детей. Много ей помогала Аля.

Я часто думала – как они сохраняли в таких условиях чистоту души? Это выше моего понимания. Предполагаю, что в этой ситуации большую роль сыграла мама Яны, Р.И. Аммосова. Я не помню, когда Яна вступила в партию, но думаю, что в 1963 году она была уже членом партии, иначе ее не назначили бы заместителем декана иностранного факультета.

Портреты замечательных ученых, преподававших нам, студентам 40-50-х годов, запечатлены в галерее портретов нынешнего университета. Для меня и, конечно, для Яны их имена были предметом благоговения. Так, лекции по неорганической химии читал профессор Анатолий Федорович Капустинский, курс физической химии читал профессор Василий Васильевич Тарасов – мировое светило физической науки.

«Стодевятники», как и вся молодежь нашего времени, не чуждались мира искусства. Мы ходили часто на концерты в консерваторию, даже абонементы были у нас. Обожали классику: Яне очень нравилась музыка П.И. Чайковского. Гулять ходили на Ленинские горы, нередко после совместно встреченного дня рождения. Часто ходили в походы по Подмосковию. Один из эпизодов – встреча с Яной в 1959 году. У нас была подруга Галя Широкова, вышедшая замуж за корейца. Когда началась война в Корее, в институте училось много корейцев, а среди них – много членов коммунистической партии. Их провожали на фронт... И вот Галя Широкова выходит за одного из корейцев замуж, с ним едет в Корею. Получилось так, что ей оттуда пришлось с детьми выехать, не без мытарств. И однажды вечером приезжают ко мне – Галя, Яна, Тема Равич и еще кто-то из близких нам ребят. Привезли огромную бутылку корейской водки, в которой «сидела» заспиртованная змея. «Через все кордоны, - говорила тогда Галя, - везла эту, змеиную водку...»

Памятно пятидесятилетие Менделеевки, на котором тоже собралось много нас, «стодевятников». Приезжали на торжество друзья из Болгарии и Венгрии.

Еще об увлечениях студенческой поры. Любили в походы ходить. Об одном мне Яна рассказывала, ходили по Уралу. Яне это не просто было, во всем попевать за товарищами. Очевидно, она была уже больна. Но она проявляла характер, не отставала, как рассказывала мне Ада Царева.

И еще одно из вот этой, завершающей наше студенчество поры. Направляли нас по Московской области, а иногда и за ее пределы, принимать в комсомол сельскую молодежь. 50-е годы. В духе времени – приезжали в колхоз, выступали с лекциями, докладами, концертными программами; это относится к той поре, когда Яна была членом комитета комсомола. А уж потом, когда Геннадий Алексеевич Ягодин стал секретарем Советского райкома комсомола, Яна была (точно не помню) либо членом пленума райкома, либо членом бюро РК ВЛКСМ.

Трагедия, произошедшая с отцом, не сломала Яну, я убеждена в этом. Потому что встречалась с людьми, оказавшимися в сходной ситуации, и я могла сравнивать. Наоборот: трагедия отца, в том, как Яна воспринимала ее, прибавила ей убежденности – нет за отцом никакой вины... Яна вообще была человеком твердым, по принципиальным вопросам в особенности. Были такие жизненные ситуации, когда ее твердость сыграла решающую роль во всей ее дальнейшей судьбе.

В смысле научной деятельности наиболее плодотворными у Яны Максимовны были последние тридцать лет жизни. Преобладала, насколько я в курсе, педагогическая работа.

Яна никогда не говорила о корнях, связывающих ее с Якутией, но, я это чувствовала, корни-то были, и очень прочные; в поведении Раисы Израилевны, Али это ощущалось. Хотя, при непосредственном общении Яна никогда не касалась этой темы. Только спустя годы я понимаю очевидное – поддержка со стороны земляков, конечно, была, и она имела громадное моральное значение. Я не беру на себя смелость утверждать: сколько-то Аммосовы нам сделали хорошего, сколько-то мы Аммосовым: бесплодное занятие. Внутренние связи действовали и с одной, и с другой стороны.

Что мне в Яне особенно импонировало, это ее дружелюбие. Она всегда была открыта для друзей, всегда была готова прийти на помощь.

Разумеется, я наблюдала и по-женски, в плане – а какова моя подруга как хозяйка; ну, невольно обращаешь же на это внимание. Яна готовила хорошо; умела с любовью приготовить блюдо, эффектно подать. Однако Яну эти необходимые кухонные дела не сбивали с главной цели ее жизни; не из тех она была «домашних женщин», которые на кухне проявляют лучшие качества. Но в то же время – я сейчас вспоминаю один момент, встреча состоялась, когда сыну

моему было годика два. Яна собирала детей на новогодний праздник. И она так организовывала это мероприятие, что тогдашние дети по-доброму все помнят. Мой сын Петр, которому уже за сорок, вспоминает, как они пили сок за «Деда Мороза» - Юру.

Мы все, будучи студентами, участвовали в художественной самодеятельности. Но это не было чем-то довлеющим, и впоследствии не проявлялось как серьезное занятие; делались так называемые монтажи, когда мы один за другим декламировали, пели, ну как это было в духе времени. «Русский с китайцем братья навек» - это одна из любимых песен была, мы ее даже на демонстрациях исполняли..., пели Гимн демократической молодежи - тоже произведение в духе того времени. Безголосые, мы были молоды, а кто же в молодости своей не поет? Вообще, застолья в современном понятии никогда не было; мы то устраивали разгадывание шарад, то пели или танцевали как могли.

Помнится, выходила замуж Светлана Сельская (мы все готовились, особенно старалась Яна). Это была настоящая комсомольская свадьба в общности с шутивными розыгрышами, сопровождалась искрометным юмором. Искренняя радость и задор компенсировали материальную слабость самого торжества... Публика собралась очень эмоциональная; так было и в других наших собраниях, и это сохранилось спустя годы, как одна из черт наших взаимоотношений.

Хочется вспомнить добрым словом нашего ректора академика Николая Михайловича Жаворонкова. Это он привел в МХТУ им. Д.И. Менделеева Яну, Галю Гурвич и многих других талантливых детей репрессированных родителей, которых не приняли в других ВУЗах и МГУ им. Ломоносова. Сейчас уже, исходя из опыта прожитых лет, понимаешь всю величину этого подвига и благородство его души. Неизвестно как сложилась бы судьба этих детей, если бы на пути им не встретился удивительный человек Н.М. Жаворонков.

Мое отклонение от предназначенного Богом жизненного пути, как я понимаю, могло привести Яну Максимовну и меня в совершенно другую область жизни и деятельности. Но я благодарна судьбе, что осталась сама собой, и Яна - тоже. До конца моих дней светлый образ ее будет жить в моей памяти....

Закончить мне хочется словами любимой Яниной песни. Она нас научила:

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой,
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?

В этих словах вся Яна и ее отношение к жизни.

Подруга

Клара Степановна и Аида Степановна Аржаковы

Яна Максимовна Аммосова была нам очень близкой подругой, родным человеком. Красивая, обаятельная, всегда приветливая, она сразу располагала к себе. Особенно хочется отметить ее интеллигентность, внимательность и чуткость. Мы бывали друг у друга дома и часто созванивались. Ее звонок, приятный голос, и сразу поднималось настроение.

Нам кажется, эта дружба была predetermined нашими родителями, которые тоже были очень дружны и близки. Наш отец Степан Максимович Аржаков и Максим Кирович Аммосов встретились и стали товарищами в Якутской семинарии в 1915-1917 гг., где они учились и вместе участвовали в деятельности революционных кружков под руководством ссыльных большевиков Емельяна Ярославского, Серго Орджоникидзе и Григория Петровского. Эту дружбу, товарищество, беспредельное расположение они пронесли через всю жизнь. Они переписывались, с радостью встречались, поддерживали друг друга. Да их жизнь сложилась одинаково трагически в период репрессий, оборвалась рано и несправедливо. Были оба реабилитированы в 1956 г.

Наши мамы Рая Израилевна Цугель - Аммосова и Варвара Ивановна Аржакова вместе учились в одно время в Якутской гимназии и были активны в политической жизни города Якутска тех лет. Они были подругами до конца жизни. Если встречались, то разговорам не было конца, а какие письма они писали друг другу, большие, полные рассуждений, мнений, заботы о здоровье друг друга. Мы очень гордимся дружбой наших родителей.

Общение наших семей было прервано репрессиями и годами Великой Отечественной войны. Аммосовы были эвакуированы из Москвы. А у нас были свои проблемы: мама отстанвала честь мужа Степана Максимовича, пришлось по суду добиваться правды, когда нас выселяли из квартиры, мама болела. Да и на руках у обеих было по трое детей, надо было их растить, кормить, воспитывать. Все мы получили высшее образование, достойно трудились, и это благодаря нашим мамам.

После 1956 г. постепенно связь семей восстановилась. Дочери Максима Кировича Азлита, Яна и Лена, неоднократно приезжали в Якутск, на родину отца в Намцы и Хатырык. Часто останавливались у нас, наша мама встречала их как родных детей, не знала, как говорить, куда посадить и чем угостить. Мы в Москве тоже останавливались у Аммосовых.

Я, Клара Степановна Аржакова, всегда сопровождала Аммосовых в их поездках по Намскому улусу. Из трех дочерей Яна Максимовна больше всех походила внешне на отца - Максима Кировича. Она была умная, начитанная, интересовалась многими отраслями знаний. Яна Максимовна много ездила по

своему профилю - почвоведению в командировки в Англию, Польшу и другие страны. Ее выступления получали положительный отклик.

Яна была обязательным человеком, что обещала или начинала какое-нибудь дело, обязательно выполняла, доделывала. Удивительно интересно она выступала перед разными людьми: учеными, детьми, сельскими жителями, студентами, журналистами, и всегда ее внимательно слушали. Очень много она и ее сестры сделали для пропаганды памяти отца Максима Кировича. Все его вещи, книги ими были переданы в музеи в Хатырыке и Якутске.

Она была заботливой женой, хозяйкой дома очень хлебосольной, приветливой. Очень любила внуков Юру и Дашу. Она знала, как живут ее родные, здоровы ли.

Память о замечательном человеке - Яне Максимовне навсегда останется с нами.

Людмила Константиновна Садовникова,
старший научный сотрудник кафедры химии почв факультета
почвоведения МГУ им.М.В.Ломоносова

Я была первой студенткой Яны Максимовны после ее перехода на работу в Московский университет. Это был 1968 год, осень. Я только что была зачислена на кафедру, тогда еще кафедру общего почвоведения, отделение химии почв, которая впоследствии отделилась в самостоятельное подразделение факультета. Заявление о приеме я написала в группу Дмитрия Сергеевича Орлова, в те годы доцента, признанного лидера в области изучения органического вещества почвы. Когда я пришла к Д.С.Орлову на собеседование, он мне посоветовал начать мои первые опыты в изучении химии гумуса под руководством нового сотрудника, ассистента Аммосовой. Так мы познакомились с Яной Максимовной. Дальше все наши жизненные дороги шли рядом, иногда расходились в силу различных жизненных обстоятельств, но всегда мы возвращались к очень близкому общению и тесному взаимопониманию.

С Яной Максимовной мы одновременно начали совместную работу в лабораториях Почвенного стационара. Нам дали хорошую, светлую комнату, но очень захлавленную. В тот момент ее фактически использовали под склад ненужных вещей, лабораторной посуды и прочих материалов. Не верилось, что можно будет сделать из этой комнаты настоящую химическую лабораторию. Но Яна Максимовна, со свойственным только ей энтузиазмом, сказала: «Глаза боятся, руки делают, за работу!» И, действительно, через очень короткое время комнату было не узнать, и мы начали интенсивные исследования. Впоследствии через эту лабораторию Почвенного стационара прошли десятки стажеров-исследователей, студентов, аспирантов, которым щедро передавала свой богатый опыт Яна Максимовна.

Моя первая курсовая работа была посвящена изучению особенностей органического вещества ископаемых углей и, в частности, его липидной фракции, извлекаемой спирто-бензольной смесью. Хотя в то время на 3-м курсе не было обязательного требования для студентов выполнить экспериментальные исследования, достаточно было литературного обзора. Но Яна Максимовна настояла, и был сделан очень интересный эксперимент по изучению липидов, который затем лег в основу выполнения исследований липидной фракции почвенного гумуса. По итогам моих студенческих работ совместно с Яной Максимовной мы подготовили материалы. Затем они были успешно доложены на Международных совещаниях в Болгарии и Чехословакии.

При выполнении этих исследований мы сделали свое маленькое открытие (а для меня это была первая научная победа). Я получила спектры поглощения липидов в видимой области, причем на этих спектрах четко выделялись несколько пиков, говорящих о наличии каких-то новых, не описанных еще в

литературе структур. Все наши коллеги дружно предлагали нам с Яной Максимовной проверить результаты, возможно, это какие-то ошибки опыта. Но Яна Максимовна настояла на своем, это не ошибка, надо исследовать дальше, я уже где-то видела подобные, настойчиво повторяла она. И вот, в лаборатории, Яна Максимовна тянет руку к книжной полке, достает книгу «Спектры хлорофилла и его соединений». И, о чудо, на рисунке мы видим четкие спектры, аналогичные полученным нами! Конечно, эти результаты не были оформлены как открытие, у Яны Максимовны было слишком много других дел и жизненных интересов, мы лишь подготовили публикацию в научный журнал. Теперь особые пики на спектрах поглощения липидов из торфов, торфяно-болотных, горных и луговых почв являются общепризнанным фактом, их идентификация описана во многих учебниках и учебных пособиях, используется как четкий диагностический показатель в почвоведении и химии почв, но приоритет Я.М. Аммосовой и именно ее авторство в установлении этих закономерностей бесспорны.

Надо сказать, что Яна Максимовна обладала удивительной прозорливостью в отношении перспективных и приоритетных исследований в области химии почв. Она тогда, еще в далекие 60-е годы, предвидела активное использование нашей наукой перспективных хроматографических методов и все время настаивала на внедрении этих методов в практику работы кафедры химии почв. Яна Максимовна также стояла у истоков изучения так называемых нетрадиционных органических удобрений, к числу которых относятся осадки сточных вод, лигнин, кора, древесные опилки и компосты на их основе. Она и ее многочисленные ученики исследовали гуматы углей, торфов, сапропелей, пелоидов, донных отложений. Особое внимание она уделила новой проблеме, имеющей прикладное значение - изучению вермикультивирования и возможности использования вермикомпостов (компостов, переработанных дождевыми червями) в качестве новых, весьма перспективных органических удобрений. Под ее руководством были выполнены обширные исследования гуматов и вермикомпостов различного происхождения из многих регионов России, Украины, Белоруссии, Средней Азии. Она очень много ездила по нашей стране с лекциями и докладами, была истовым пропагандистом знаний о гумусе, почвенном плодородии. Яна Максимовна была настоящим патриотом использования гуматов, верила в их волшебную, почти чудодейственную силу, в возможность замены в некоторых регионах навоза на углегуматы. Да и в своей повседневной практике, на дачном участке она применяла гуматы, получая гигантские урожаи огурцов, кабачков и тыкв, а потом, осенью и зимой, щедро угощала коллег плодами своих летних трудов.

Яна Максимовна как всякий одаренный, неординарный человек, имела свой особый язык. Ей принадлежат многие крылатые фразы и выражения, которые мы и сейчас постоянно вспоминаем и употребляем, например «Гумус, великий и немой». Прекрасно готовила первые и вторые блюда, великолепно

пекла пироги, но свои рецепты не держала в секрете, а любила ими делиться. Например, в меню многих наших сотрудников вошли разные рецепты под названием «Торт - поцелуй Яны Максимовны», «Тесто Яны Максимовны», «Борщ Яны Максимовны». Последний свой рецепт, да и сам продукт под названием "Варенье Яны Максимовны" из тыквы с лимоном она нам щедро подарила перед самым Новым 2000 годом.

Она очень любила молодежь, да и себя всегда ощущала молодой. Читала много современных книг и журналов, была в курсе всех книжных новинок и театральных премьер. Не пропускала и концерты серьезной классической музыки в Консерватории, Зале им. Чайковского и Доме Культуры МГУ. В прошлом 1999 году она по приглашению дочери Ю.Визбора побывала на концерте его памяти, и очень сокрушалась, что не смогла привести всех своих друзей на этот так ее потрясший замечательный концерт. Яна Максимовна была очень светлым, добрым человеком. Она вникала во все наши проблемы, знала имена не только наших детей и внуков, но и их жен, мужей, друзей, а также помнила все наши дни рождения. А вот свой день рождения, 24 августа, Яна Максимовна не всегда отмечала в положенное время. Нередко, особенно в последние годы, она могла его устроить даже зимой, когда в короткие зимние дни становилось холодно и грустно. Вообще, Яна Максимовна очень любила разные праздники. Последние свои праздники она отметила осенью прошлого года на Почвенном стационаре, где собрала всех своих старых друзей и коллег, а также 22 декабря, когда отмечали 25-летие образования кафедры химии почв на факультете почвоведения МГУ. На кафедре тогда собралось очень много народу, наша кафедральная аудитория еле вмещала всех желающих. Опять мы вместе с Яной Максимовной пекли пироги, готовили разные вкусные салаты и закуски, потом пели песни и вспоминали многие иногда смешные, иногда лирические эпизоды нашей общей довольно долгой жизни. Она вложила в эти юбилеи всю свою широкую, щедрую душу, и теперь мы с грустью понимаем, что так она с нами простилась, в своем стиле - радостно, весело, даже намеком на скорый уход не причинив нам боль и не омрачив светлый праздник. Такой я и запомню Яну Максимовну - доброй, светлой, отзывчивой и очень молодой.

Талант жить полной жизнью и увлекать за собой всех

Юлия Владимировна Куваева,

научный сотрудник лаборатории биологии и биохимии почв Почвенного института имени В.В. Докучаева.

Начать свои воспоминания о Яне Максимовне Аммосовой мне хотелось бы здесь с разъяснения некоторых фактов моей собственной биографии. Дело в том, что я попала в Якутию, будучи в младенческом возрасте, вместе с родителями. Папа, Владимир Борисович Куваев, геоботаник по лекарственным растениям, поступил на биофак ещё до войны. Когда война началась, он стал всеми способами пробиваться на фронт. Так он оказался на курсах переподготовки, по окончании которых всю войну прошёл как специалист в области химической защиты. После войны он снова на биологический факультет вернулся и закончил его в 1950 году. Тогда и я родилась. Папу распределили по специальности в Якутию, и он проработал там несколько лет. И поскольку я была очень маленькая, врачи рекомендовали родителям отправить меня в европейскую часть страны, чтобы не рисковать здоровьем. Папа с большой теплотой вспоминает о людях, с которыми ему довелось жить и работать в Якутии. Папа всегда имел ярко выраженную гражданскую позицию, и дело, которым занимался, воспринимал как дело государственной важности. Когда Н.С. Хрущёв ярко пропагандировал массовое внедрение кукурузы как продовольственной культуры, отец на одном из заседаний местных властных структур сделал доклад, обосновав бесперспективность мероприятия в условиях Якутии. Ему предложили или положить партбилет, или убрать подальше свой доклад; отец не сделал ни того, ни другого... Как говорится, не сложил оружия. Папа ещё бодр и, слава Богу, здоров, работает в Институте проблем экологии РАН, в 1998 году ходил по Енисею с рюкзаком... и с тремя своими аспирантами. В Якутске у него осталось много друзей, которые не забывают его, а он – их. И благодаря ему мне близок этот прекрасный край. Каково же было мое удивление, когда уже во время прощания с Яной Максимовной на похоронах я узнала о ее якутских корнях, о ее прославленном и уважаемом отце, о ее тесной и деятельной связи с земляками! Стало так тепло на душе от незримой давней переплетенности моей и ее человеческой судьбы.

С Яной Максимовной Аммосовой я познакомилась, как, наверное, и все студенты моего курса, во время учебы на биолого-почвенном факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1968-1973 гг. Яна Максимовна работала тогда на почвенном стационаре, располагавшемся на территории ботанического сада МГУ. Там мы, студенты 3 курса, проходили практику по биохимии гумуса, - его Яна

Максимовна вела совместно с Элеонорой Александровной Гришиной. Люди одного поколения, обе они - совершенно очаровательные женщины. К сожалению, обе ушли из жизни. Как они работали - дай Бог каждому из нас. Яна Максимовна занималась определением молекулярных масс гумусных веществ и тому же учила нас. Мы знали, что Яна Максимовна – химик по образованию; она многое сделала для внедрения химических методов в почвоведение, и особенно в биохимию гумуса.

Я общалась с Яной Максимовной не более, чем остальные студенты курса, но, наверное, всю свою жизнь буду ощущать необыкновенную теплоту, которая исходила от этого человека. Меня всегда радовали даже просто встречи с нею – в коридорах факультета, стационара, приятно было слышать её голос, видеть лицо, женственное, освещенное, откуда-то изнутри доброй, лиричной улыбкой. Моя сокурсница Валентина Коваленко была студенткой её, и меня поражало – насколько близкие, доверительные отношения сложились между ними. Я бы сейчас назвала их дружескими. Это вообще – большая редкость. Моя жизнь складывается как-то таким образом, что мир вокруг оказывается тесным и обязательно добрым. По окончании МГУ я распределилась в Почвенный институт им. Докучаева, в лабораторию биохимии гумуса, которой руководила профессор Мария Михайловна Кононова, корифей отечественной науки о гумусе. После кончины Марии Михайловны Кира Владимировна Дьяконова, ее сотрудница, заведовала лабораторией многие годы. И оказалось, что Кира Владимировна состояла в давних дружеских отношениях с Яной Максимовной Аммосовой; она привела Яну Максимовну на биолого-почвенный факультет МГУ и познакомила её с Дмитрием Сергеевичем Орловым, с которым они долгие годы проработали вместе.

Бывая в Почвенном институте, Яна Максимовна непременно заходила к нам в лабораторию. Когда Киру Владимировну заменил на должности заведующего лабораторией Б.М. Когут, аспирант, защитивший докторскую диссертацию, Яна Максимовна очень большое участие приняла в том, чтобы он познакомился с кафедрой, чтобы налаживались контакты, устанавливалось сотрудничество.

Яна Максимовна всегда с очень большим вниманием относилась не только к тому, что происходит на факультете, но и к событиям во всех профессионально близких учреждениях. От общения с Яной Максимовной всегда оставалось ощущение, что она привносит женское желание за всеми по-хорошему присмотреть, всех опекать, происходившее от восприятия ею окружающих как некой большой семьи.

Обстановка последних, тяжёлых лет особенно сблизила нас всех, убеждала, что мы – не просто сотрудники, а люди, которые могут по-человечески поддержать друг друга.

Заработать на нормальную жизнь стало тяжело, а уже остаться в науке, сохранив своё лицо учёного – невероятно тяжело. Эти люди, поколение Яны Максимовны, уже перешедшие рубеж пенсионного возраста, делали огромное дело – всеми силами сохраняли потенциал отечественной науки и образования, работая не за страх, не за плату, а за совесть.

В условиях грандиозной социально-экономической ломки не приходилось ожидать, что труд в научной сфере будет адекватно оцениваться и оплачиваться, но они прежде всего знали, что их знания и опыт позволяют продолжить жизнь науки. Низкий поклон им за это и за то, что помогли нам, поколению их детей, продолжить их дело.

Примерно года четыре назад, на одном банкете в связи с защитой диссертации, когда люди хотят не просто поговорить, но и спеть, Яна Максимовна вдруг вспомнила один эпизод. Чуть смущаясь, она рассказывала: «Знаете, мои дорогие, я оказывается тоже могу петь. И открыла этот свой талант совершенно неожиданно для себя». А было так. В эти самые, совершенно «невозможные» годы (90-е) привелось ей поехать в командировку в Японию. Был банкет. Надо заметить, что японцы очень любят наши, российские песни, которые с удовольствием и прекрасно исполняют сами. Так как Яна Максимовна приехала из России, её просят: спойте, пожалуйста. Яна Максимовна, по её словам, в тот момент страшно растерялась, смутилась. Первая мысль была – надо сохранить лицо, постоять за честь державы... Боже мой! Хотя бы куплет какой не забыть... Запела «Калинку»; реакция была восторженная. Как вспоминала сама Яна Максимовна, она «от и до» всё спела. Потом пела «Подмосковные вечера» и другие песни российские, давно получившие мировое признание. Получился импровизированный концерт, когда Яна Максимовна начинала петь, а все подхватывали, и тем укреплялась тёплая атмосфера всей встречи. Оказывается, японцы прекрасно знали каждую популярную песню, и подпевали весьма слаженно. Там были не только японцы, ведь на совещание приехали люди из различных европейских, азиатских стран. Удивительный пример миниатюрного мирового сообщества интеллектуальной элиты, объединенной общечеловеческими ценностями: научной мыслью и песней...

Я не случайно вспомнила именно этот эпизод. Яна Максимовна всегда старалась быть организатором домашнего, непринужденного общения окружающих; у многих она прежде всего этим человеческим качеством в памяти и останется; тепло её сердца многие будут помнить всю жизнь. Видимо, это было воспитано в ней с детства. Мы ведь всё лучшее не по «сенсациям» вбираем, формируем в себе, а конкретно от кого-то перенимаем, впитываем.

Приходя на факультет, видя привычные длинные-предлинные, высокие-превысокие коридоры, я с любовью замечала: вот идёт Яна Максимовна – человек, на устах которого всегда теплилась улыбка. Я ощущала, что этот человек живёт каким-то необыкновенно богатым, гуманным внутренним миром.

... Три года тому назад, приезжая к Яне Максимовне по работе на почвенный стационар, отметила про себя, что она, видимо, плохо себя чувствует, вероятно, прогрессирует гипертоническая болезнь. Наша последняя встреча была во всех отношениях «традиционная»; Яна Максимовна усадила меня пить чай, - без этого невозможно было вообще. В процессе этого, домашнего общения я решилась рассказать о своем собственном опыте самолечения-самоподдержки. Руководствовалась в разговоре теми знаниями, почерпнутыми от отца, геоботаника, своим опытом использования лекарственных растений. Рассказывала о правильной системе питания; брошюрку обещала привезти (что и исполнила), в которой всё коротко и на редкость внятно объяснялось.

Это ведь предназначалось Я.М. Аммосовой - человеку, поколение, которого на себе испытало, что такое голод, и многие даже представить себе не могут, что голодать можно «нарочно», «во благо здоровья» - нонсенс и некая панацея. Я знаю, о чём говорю. Далеко не каждый из более близких и молодых людей меня понял бы в этом плане. Яна Максимовна - заинтересовалась. Сказала: да, я хотела бы прочесть эту брошюру. Тогда я повела речь о предмете более тонком и деликатном - о жизни души. И опять встретила живой интерес, готовность воспринимать непривычную информацию, для которой долгие годы наше общество было закрыто. У меня не было чувства, что Яна Максимовна насторожена, что не доверяет мне, как человеку младшего поколения. Я привезла Яне Максимовне обещанные книжки. Через краткое время при случае она всегда благодарила: «Спасибо, Юленька, мне так это помогает... Так с твоими книжками и живу. И мне - легче...».

В моем сердце Яна Максимовна навсегда останется человеком, с которым было комфортно, с которым опасаться нечего. Никогда не было мысли, что в общении с нею что-то могло «отодвинуть» от неё. Дружественность, материнство в самом лучшем значении этих понятий были частью её натуры. И в то же время меня в ней восхищала какая-то приподнятость, какое-то бесконечное умение и желание радоваться жизни. Достаточно вспомнить о Яне Максимовне, и становится легче в гуще жизни.

Очень важно, что такой человек преподавал долгие годы. Ведь лучше всего воспитывает образ жизни, и когда с детьми работает не только прекрасный специалист, человек высокой культуры, но прекрасная, добрая женщина, мать, это убеждает лучше всего в совместимости серьезного профессионального труда с полноценной семейной жизнью и с успешной, хотя и напряженной, многоплановой общественной деятельностью. Наверное, это - талант Яны Максимовны: жить полной жизнью и увлекать за собой всех.

Якименко Ольга Сергеевна,

научный сотрудник кафедры химии почв факультета почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

Яна Максимовна Аммосова была моим сначала - научным, а затем и непосредственным руководителем, позже мы с нею были коллегами... Мне посчастливилось общаться с Я.М. Аммосовой с 1985 г., т.е. больше 15 лет. Именно к Яне Максимовне я попала достаточно случайно, при распределении на кафедру, на 3-м курсе. Для выполнения работы пришла в лабораторию, где увидела её. Лаборатория размещалась в отдельном корпусе, называемом Почвенным стационаром. В университете этот стационар как-то отличался, имел особенности. Там царил атмосфера доброжелательности, какой нигде не было. Как я понимаю теперь, во многом это определялось личностью Яны Максимовны.

Она являлась в тот период заведующей стационаром (была такая неформальная должность) от нашей кафедры. Курировала все направления, организовывала работу. Выделю два доминирующих момента. Во-первых, все были увлечены, в несколько даже пафосном стиле, наукой; работали часто по субботам, задерживались по вечерам. При этом и неформальное общение было очень активное, любили встречаться, и всё это - под «патронажем» Яны Максимовны. Она имела потрясающее количество знакомых, в том числе были сотрудники и ученики. Когда я пришла, меня поразил поток людей, запросто приходивших к Яне Максимовне, они ей рассказывали о событиях в жизни своей. О новой работе, которая их увлекала и которую надо непременно выполнить совместно с Яной Максимовной... Всех она называла ласкательными именами. К нам, студентам, обычно обращалась так: Олечка, Ларочка, Кирочка. Даже людей солидных, облечённых какими-то званиями, она умела назвать по-своему, «Мариночка Михайловна» и т.п.

Праздники там всегда отмечали удивительно. Перед Новым годом, 8 Марта работать уже было практически невозможно, потому что шел бесконечный поток поздравлений. Начиналось с того, что обменивались подарками. А происходило всё это в конце 80-х годов, когда с потребительскими товарами было не так просто. И тем не менее, обменивались чем могли: ручками, записными книжками, сувенирами, разной бытовой мелочью. Мы впитали это как естественный стиль общения, рассматривая как естественную потребность сделать окружающим что-то приятное. Со второй половины дня начинались звонки, шли люди, с конфетами, цветами и прочими подарками. Всех Яна Максимовна радостно приветствовала. Немедленно открывала коробки конфет. Её урезонивали: как же, мол, так, Яна Максимовна, не открывайте, лучше в семью принесите, следовало категорическое возражение: нет-нет, говорила она, ведь пришёл такой-то, а мы так давно не виделись и - посмотрите - какое нынче у

нас на столе всё вкусное... Её книжные полки были заставлены поздравительными открытками. Мы иногда подхихкивали: давно стоят открытки, и книжки из-за них доставать неудобно. Однако трогать открытки нам категорически воспрещалось, она называла их «тепло человеческого сердца». Позже, присмотревшись, я поняла, что там находились не только обычные поздравительные открытки, но - разнообразные. От учеников, сотрудников, которые приходили из другого города, другой страны. Яна Максимовна держала их всегда перед глазами, вспоминая людей, некогда бывших рядом. Для нас, студентов, было тогда удивительно, насколько она молода душой. Настоящий её возраст нам казался солидным, а насколько же она любила общаться с молодёжью, насколько же плотно была окружена ею! Тех студентов, кто приходил регулярно, ей было мало. При каких-то мероприятиях она обзванивала учеников, централизовала нас и - чувствовала себя в нашем обществе совершенно свободно. Темы для обсуждения у были общие. Удивляло, насколько она была внимательна к своим студентам. Научная деятельность студента никогда не пускалась на самотёк. Если студент долго не появлялся, либо появляется, но дело у него не идёт, Яна Максимовна не навязчиво втолковывала: вот, вышла такая-то важная статья, или (обращаясь к студенту) статью-то надо писать; что видела в таком-то издании объявление о приёме статей к опубликованию и т.д. Ну, потом, если требовалось поругать, это проделывалось, чтобы призвать к ответственности. Она помнила по именам не только всех своих студентов, но и чад-домочадцев: мам, свекровей, мужей, детей, даже домашних животных. Могла в телефонном разговоре вдруг вспомнить о каком-то Ричике (собачке) и, узнав, что «Ричик болел», тут же подаст совет - как помочь бедной собачонке... Воспринималось такое общение в то время совершенно естественно. Когда Яна Максимовна ушла от нас, и я обзванивала бывших её учеников, не всегда попадая на них, а иногда на родственников, то слышала: «Какое горе! Мы помним её. Какой прекрасный человек!». Когда ученики Яны Максимовны собрались помянуть её, то все говорили откровенно - нас было вокруг неё очень много, и ко всем была она внимательна, всех любила. Причём, и отличников, и «шалобаев»; она искренне считала, что все мы абсолютно замечательные. Всегда сражалась за нас на всех инстанциях. Если руководство кафедры, когда более, когда менее справедливо ругало студентов, Яна Максимовна бросалась на защиту, заверяя — мол у этого такие-то обстоятельства, поэтому так получилось, но вообще-то человек достоин самого лучшего... В общении с родственниками своих студентов Яна Максимовна часто употребляла выражение «наши ваши дети»; то есть она действительно считала нас своими детьми. И мы тоже считали её своей крестной научной мамой.

Что касается её активной жизненной позиции, то припоминается характерная история о том, как мы с нею ездили в экспедицию в Сыктывкар. Там предполагалась совместная научная работа, с коллегами из Института биологии

республики Коми. Прилетаем мы в Сыктывкар. Путь довольно утомительный, даже я, молодая аспирантка, это почувствовала. Яна Максимовна бодра и весела. Её все там знают и уважают, машину прислали за нами. Поселили в гостинице. Обсуждаем детали работы; на следующий день надо идти отбирать образцы. И вот идём. Яна Максимовна с нами. Сделать надо было успеть много, день выдался интенсивный. Вечером, когда вернулись в гостиницу, я в свои 23 года чувствовала себя измученной, хотелось только покушать и лежать, смотреть телевизор. Но Яну Максимовну это не устраивало. Она сказала, что заметила в городе замечательный парк; следует его посмотреть, а то когда ещё сюда попадём, такого шанса упускать нельзя. Кроме того, в городе есть музыкальный театр, который мы на обратной дороге из парка посетим, если купим билеты. Пристыдив меня таким образом, Яна Максимовна добилась таки своего. Приведя себя в порядок, мы направились в город, выполнять культурную программу. Так проявлялась её восприимчивость к новому. А всякого рода консерватизм был Яне Максимовне чужд.

Что касается науки, то у неё было острое чутьё на новое, перспективное, она старалась немедленно вникнуть в эту новизну, заняться ею. И в жизни было похоже. Помню, мы, девчонки, собираясь, хвастались друг перед другом всякими приобретениями, например, невероятным лаком для ногтей, костюмом модным. Яна Максимовна сидит за своим столом и, кажется, будто и не слышит, о чём мы там щебечем. Потом она подходит и уточняет у нас детали этих наших обновок. Мы сдержанно рассказывали, думая, что Яна Максимовна просто поддерживает «светскую беседу». А через некоторое время выяснялось, что Яна Максимовна приобрела такого же цвета лак, попробовала на себе. И объясняет сотрудницам, что «сегодня вся молодёжь пользуется таким цветом».

О том, как она общалась с нами, своими учениками. Мне кажется, это свойственно не многим руководителям. Мы были вхожи в её дом. Мне посчастливилось лично знать её дочь, супруга, внуков. Если возникала необходимость поработать, Яне Максимовне нездоровилось, а университет был закрыт, то для подработки диссертации, доклада или статьи нас приглашали домой. Это всегда означало, что нас встретят, что будет накрыт обеденный стол, что приготовлено будет что-то особенное. А уж неповторимые, изумительные на вкус пироги предложат непременно. После обеда приступали к работе, но она шла не особенно продуктивно. Домашнее общение не очень-то совмещалось с работой. Однако Яна Максимовна давала наставления, предварительно просмотрев плоды наших научных подвижек. Однажды мне довелось поехать в командировку в Швецию. А в то время в Стокгольме находилась дочь Яны Максимовны с семьёй. Совершенно не значило, что там мы должны обязательно встретиться. А Яна Максимовна дала мне телефон своих, я позвонила и была радушно встречена. Они мне показали город, мы замечательно провели время, только по той рекомендации, что я – «мамина ученица». Хочу отметить, как любили

Яну Максимовну наши иностранные коллеги. Одной из первых российских учёных в конце 80-х годов она выезжала за рубеж на конференции Общества гуминовых веществ. Тогда по ряду причин попасть на международную конференцию было не просто. Яна Максимовна сумела оформить поездку на конгресс, что ожидался в г. Нагое, в Японии. Там она покорила учёных, став как бы олицетворением современной российской школы в области химии гумуса. Вскоре ей предложили стать координатором российского отделения общества. И уже затем часто приглашали на конференции, с оплатой всех дорожных расходов, отнюдь не для каждого учёного такое делается. Когда я сама стала выезжать на такого рода конференции, общаться с иностранцами, то нередко слышала: «А Вы из России? Приехала ли на этот раз Ваша очаровательная пожилая леди», - не всегда они помнили фамилию, но было ясно о ком идёт речь. Прибывающие из зарубежья иностранные коллеги частенько приглашались домой к Яне Максимовне, где потчевались знаменитыми пирогами, обсуждали, конечно, проблемы нашей совместной научной деятельности. Яна Максимовна бывало волновалась. Говорила: вот, живут ведь в гостинице, неизвестно чем питаются... Слово «пирог» приезжие иностранцы запоминали в числе самых впечатляющих русских слов.

По прошествии нескольких месяцев мы остро ощущаем, что нет больше с нами Яны Максимовны. Образовалась некая пустота там, где мы привыкли её встречать. Иногда на заседании кафедры нескольким людям одновременно приходит в голову мысль о том, что будь тут Яна Максимовна, она бы вот так среагировала. Незримо она остаётся среди нас. В сложных жизненных ситуациях я представляю себе Яну Максимовну, мысленно прошу у неё совета, зная, как бы она повела себя в подобной ситуации. Как правило, это помогает. Конечно, мои научные интересы, подход, были сформированы Яной Максимовной. Поскольку она была учёным специалистом в области гумуса, под её влиянием я тоже влюбилась в гумус. Восторженное отношение к научной теме она умела выпестовать, выкристаллизовать. Из более конкретных направлений назову такие: нетрадиционные органические удобрения, отходы гидролизного лигнина в плане применения в сельском хозяйстве. Однажды к Яне Максимовне обратились коллеги, заинтересованные в развитии этой темы... Завод, который получал лигнин в качестве отхода, привлёк Институт биологии республики Коми, а к Яне Максимовне обратились с вопросом - не может ли университет оказать помощь в разработке темы? Яна Максимовна ответила: «Конечно, у нас тут есть аспирантка Олечка, и, давайте, мол, все вместе будем этим заниматься».

В дальнейшем Яна Максимовна ориентировала меня на то, что от науки шарахаться никуда не надо, наука - это вечное и ценное в нашей жизни, хотя жизнь, понятно, тяжела, а наука - не самая материально выгодная сфера деятельности. Она ввела меня в научный круг. Научила обрабатывать данные, ра-

ботать над научными докладами, статьями. А в пример ставила учёных-коллег. Бывало, говорила мне: «Я должна пойти на конференцию такой-то доклад послушать; там-то должна выступить сама». Яна Максимовна Аммосова сформировала мои взгляды, убеждения. Да не только мои, но многих других людей, близких мне. Всегда в моём сердце светлая память о ней.

Ирина Ивановна Прохорова,

главный редактор журнала «Агрохимический вестник».

Мой рассказ будет о прекрасном человеке, Яне Максимовне Аммосовой, с которой свела меня судьба на Владимирской земле во Всероссийском научно-исследовательском институте органических удобрений и торфа, где 26-28 июня 1994 г. проходила научная конференция «Новые виды органических удобрений» с участием ученых из ведущих научно-исследовательских институтов, агрохимических лабораторий, центров и станций химизации. Я была приглашена на эту конференцию как главный редактор журнала «Агрохимический вестник». Яна Максимовна входила в состав делегации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С первой же встречи у нас сложились такие близкие отношения, как будто мы были знакомы очень давно и просто встретились после недолгого перерыва, как хорошо знакомые люди. Нам было легко и в сфере обсуждения рабочих вопросов, и вне работы. Я тогда была в командировке со своим тринадцатилетним сыном Ильей, и у него с Яной Максимовной сложились очень тесные дружеские отношения.

В то же лето 1994 г. у нас состоялась еще одна совместная поездка. В августе мы поехали в Анапу на конференцию «Экологизация Северо-Кавказского региона». Эта поездка еще больше сблизила нас, мы потом поужинали семьями и праздники стали отмечать совместно. У нас сложилась тесная компания, в которой была и Людмила Константиновна Садовникова - одна из первых учениц Яны Максимовны за время ее работы в Московском университете. Людмила Константиновна после окончания факультета почвоведения МГУ поступила в аспирантуру и под руководством Яны Максимовны подготовила и защитила кандидатскую диссертацию, стала ведущим научным сотрудником кафедры химии почв.

Яна Максимовна была постоянным автором нашего журнала. Вот и во втором номере за 2000 г., который называется «Агрэкология»: проблемы и решения», напечатана последняя ее статья «Изучение уровня загрязнения городских почв тяжелыми металлами». Яна Максимовна частенько заглядывала в редакцию, она была не только автором, но и как бы сотрудником, и редкий праздник в нашем коллективе обходился без нее. Также она присылала к нам в редакцию своих учеников. В 1997 г. у нас стала работать ее аспирантка Аня Зиминая, которой была поручена верстка нашего журнала. Кстати, Аня научила этой работе моего сына и после окончания аспирантуры передала дело верстки ему. Сейчас мой сын Илья Прохоров - студент второго курса почвенного факультета. В выборе именно этого факультета во многом сыграла его дружба с Яной Максимовной и ее коллегами.

В 1996 г. мы были на Международном съезде почвоведов в Санкт-Петербурге. Это еще более сблизило моего сына с кругом преподавателей

факультета почвоведения Московского университета. И однажды он мне сказал: «Мама, я буду учиться в МГУ на почвенном факультете». Для меня это было полной неожиданностью. Он хорошо учился, но особой страсти к чему-то одному у него не было. Может, Яна Максимовна покорила его своим обаянием, энтузиазмом и умением. Конечно, родители хотят, чтобы дети пошли по их стопам, продолжили их дело, чтобы была преемственность поколений, общие взгляды и интересы, но дети сами должны выбирать свой путь. Мне в этом смысле не пришлось обсуждать вопрос выбора сына, ничего не навязывать ему. Как-то логически вышло благодаря знакомству с Яной Максимовной, что он сам выбрал свой путь. Когда Илья еще учился в школе, Яна Максимовна сообщила ему, что в Санкт-Петербурге во Дворце детского и юношеского творчества ежегодно проводится конкурс «Молодежь России в охране окружающей среды». И она предложила Илюше подготовить для этого конкурса доклад о загрязнении почв в Москве и дала некоторые данные по анализу почв на Университетском, Ломоносовском и Ленинском проспектах. Илья с этим докладом поехал в Санкт-Петербург, где читал его на двух языках: русском и английском. Научным руководителем, кроме Яны Максимовны, была Ирина Алексеевна Пивоварова, которая тоже закончила факультет почвоведения и сейчас работает в Московском Дворце детского и юношеского творчества на Ленинских горах. Илья неплохо знает английский, и когда мои знакомые из Российской академии естественных наук выезжают на международные симпозиумы, они берут моего сына в качестве переводчика. Сейчас Илья готовится поехать на Международный съезд почвоведов, который проводится раз в 4 года, в этом году он будет проходить в Суздале, куда приедут почвоведы со всего мира.

Яна Максимовна в жизни моей семьи сыграла очень большую роль. Последний номер журнала мы делали, когда ее уже не стало. Илья верстал содержание и сказал: «Мама, у меня рука не поднимается обвести фамилию Яны Максимовны в траурную рамку». Я ответила, что мы не будем этого делать, просто после статьи напечатаем небольшой некролог и подпишем «Памяти ученого и друга». Я так говорю, а у меня такое впечатление, что Яна Максимовна жива, просто куда-то уехала, и мы с ней обязательно встретимся. В это же время у меня произошла еще одна утрата в семье близких, но там я сразу осознала, что человек умер, а смерть Яны Максимовны не воспринимается — она так и остается для нас живой.

В декабре 1997 г. исполнилось 100 лет Максиму Кировичу Аммосову. О том, какой отец у Яны Максимовны, я узнала только тогда, когда она пригласила меня на этот юбилей в Постпредство Республики Саха (Якутия). Она никогда до этого не говорила, из какой она семьи. Потом Яна Максимовна подарила мне книгу об отце, которую мы с сыном прочитали и были приятно удивлены, узнав многое о жизни ее родителей. Необыкновенно трогательна судьба матери Яны Максимовны, которая перенесла суровые жизненные испытания,

выпавшие на ее долю и долю ее дочерей. Эти люди не сломались, наоборот, стали добрее, милосерднее к другим. Они понимали, что зло нужно остановить и, стойко перенеся несправедливое обвинение, не озлобились и не стали мстить. Они сохранили в себе добрые, светлые чувства по отношению к другим людям, которые, может быть, того и не заслуживают. Как выяснилось, семья Яны Максимовны жила трудно. Хотя они вынуждены были молчать о своем отце, все равно они гордились им. Просто тогда были другие времена, была другая система. Семье Яны Максимовны была присуща высокая внутренняя культура. Я рада, что на своем жизненном пути я встретила такую яркую личность с сильной энергией доброты, как Яна Максимовна. Она очень любила людей, своих учеников, постоянно всем помогала, не боялась отстаивать свое особое мнение. И где бы она ни была, у нее всегда было много друзей, которые относились к ней с трепетной любовью и уважением. Когда мой отец (бывший летчик, участник Великой Отечественной войны) увидел ее на фотографии в первый раз, он спросил: «А это кто - академик?» И я ответила, что это академик Аммосова. Хотя она не была доктором наук, но ее принимали и ценили как академика.

В ноябре прошлого года я провожала Яну Максимовну в Ивано-Франковск на Международный конгресс по биоконверсии органических отходов. Она ездила туда с Людмилой Константиновной Садовниковой и выступила с прекрасным докладом. Потом в декабре на 25-летнем юбилее факультета почвоведения я встретила ее уже заметно ослабевшей и после Нового года узнала, что она лежит в больнице с инсультом. Я поехала навестить ее и была потрясена увиденным, поэтому сразу вернувшись из больницы, позвонила ее мужу Юрию Георгиевичу и сказала, что ей неправильно поставили диагноз. Я не врач, но я была уверена, что у Яны Максимовны не инсульт, так как у нее были такие же симптомы, как у моей мамы, которая умерла от опухоли головного мозга в Институте нейрохирургии. При такой болезни у больных появляются общие черты лица и поведения. Мои опасения подтвердились, и Юрий Георгиевич перевел Яну Максимовну в Институт нейрохирургии, но было уже поздно.

Последний раз я видела Яну Максимовну в январе, когда она еще была в республиканской больнице. И когда я уходила уже попрощавшись, она побежала за мной по коридору с криком: «Ирочка! Я тебя больше никогда не увижу...» К сожалению, это так и случилось. 16 марта 2000 г. перестало биться сердце Яны Максимовны Аммосовой.

Я не прощаюсь с Яной Максимовной, мы с ней когда-нибудь встретимся.

Воспоминания о Яне Максимовне**Колесников Михаил Петрович,**

старший научный сотрудник Института биохимии РАН.

Я познакомился с Яной Максимовной осенью 1969 г., будучи студентом третьего курса Биолого-почвенного факультета. Яна Максимовна стала вторым руководителем моих курсовых и дипломной работ (вместе с Д.С. Орловым). Я хотел заниматься химией гумуса, но еще мало представлял себе сложность этой проблемы, и Яне Максимовне удалось заразить меня неподдельным интересом к науке о гумусе. Можно прямо сказать, что Яна Максимовна привила мне вкус к научно-исследовательской работе, а это для научного работника качество чрезвычайно важное. Яна Максимовна с увлечением рассказывала о гумусе и ее рассказы превращались в настоящие поэмы. Она всегда говорила о гумусе, как о живом существе. Глаза ее светились, и слушатели невольно проникались уважением к этому загадочному природному «телу». Яна Максимовна рассматривала гумус в широком аспекте - как необходимую составную часть осадочной толщи Земли. Почвенный гумус предстал перед нами как аккумулятор солнечной энергии, поглощенной зелеными растениями в результате фотосинтеза. Гумус хранит в своей структуре эту энергию, постепенно превращаясь в осадочной толще в торф и уголь, и накопленная энергия через миллионы лет возвращается к нам, обеспечивая потребности нашей промышленности. Солнечный свет → растение → гумус → ископаемые угли — вот та природная цепочка, важнейшим звеном которой является почвенный гумус!

Согласитесь, что после такой лекции уважение студентов к гумусу значительно возрастает. И я, преисполненный этим уважением, принялся за дело с настоящим энтузиазмом. Мое рабочее место было в кабинете Яны Максимовны на втором этаже Почвенного стационара, расположенного на территории Ботанического сада МГУ. Сколько дней и часов я провел в знаменитой комнате № 48, задерживаясь до позднего вечера: Яне Максимовне удалось по-настоящему увлечь меня работой! Яна Максимовна мечтала расширить круг инструментальных методов исследования и часто рассказывала о методе электронного парамагнитного резонанса (ЭПР). Летом перед дипломной работой я самостоятельно изучил теорию этого метода и договорился о проведении эксперимента. Своей экспериментальной базы на почвенном отделении не было и пришлось обращаться за помощью на одну из кафедр биологического отделения. Мне хотелось сделать для Яны Максимовны сюрприз, и работа закипела. В результате метод ЭПР стал основным в моей дипломной работе, а позднее на этом материале была опубликована наша с Яной Максимовной статья.

Было у Яны Максимовны еще одно большое увлечение в области науки. Это ее глубокий интерес к химическому элементу - кремнию. Если войти в ка-

бинет Яны Максимовны - сразу бросается в глаза эмблема с символом этого удивительного элемента. Кремний - наиболее распространенный элемент в природе. Достаточно сказать, что на Земле на каждые 133 атома кремния приходится лишь 1 атом углерода! Кремний составляет основу минерального мира, но он властно вторгается и в мир органический, соединяясь через кислородные мостики с молекулами белков и полисахаридов. Такой «биофильный» кремний является важной составной частью растительного и животного организмов. Официально тематики по кремнию на кафедре не было, и Яна Максимовна занималась проблемой любимого элемента как бы сверх плана. Кремний был ее настоящим научным хобби! Мы, студенты, постоянно слышали от Яны Максимовны восторженные слова о кремнии. Об этом элементе (как и о гумусе) она могла говорить до бесконечности! И посеянные Яной Максимовной семена дали всходы. Через много лет мне удалось всерьез заняться формами кремния, входящими в состав растительных тканей, и моя первая опубликованная на эту тему работа доставила Яне Максимовне большую радость. Теперь и я по-настоящему увлекся проблемой кремния, а Яна Максимовна стала истинным вдохновителем этих работ.

Я искренне благодарен Яне Максимовне за ее постоянное внимание ко мне и моей научной работе. Закончив МГУ и найдя свой, самостоятельный путь в науке, я постоянно обращался к Яне Максимовне за советом, делился с ней всеми своими радостями и горестями. Я спешил на Почвенный стационар как в свой родной уголок, зная, что всегда встречу внимание и сочувствие со стороны Яны Максимовны. Тридцать лет в своей жизни я слышал от Яны Максимовны золотые слова: «Мишенька, родной!» Она относилась ко мне с искренним участием, по-отечески и всегда была в курсе моих семейных и научных дел. Это очень важно, когда в жизни есть такой человек, и сейчас мне очень не достает Яны Максимовны... Хочется набрать знакомый номер, услышать такой дорогой и добрый голос, но время вернуть нельзя, и только память бережно хранит дорогие воспоминания...

Вспоминается наша последняя встреча в декабре 1999 г. По просьбе Яны Максимовны я набирал на компьютере отчет о работе. Когда мы его распечатали, Яна Максимовна предложила мне домашнее угощение - чудесное варенье и салатик. Мы пили чай в почти домашней уютной обстановке, а потом я проводил ее на факультет. Было скользко, и Яна Максимовна крепко держалась за мою руку. Казалось бы, ничего особенного: обычное гостеприимство Яны Максимовны и душевный разговор, как это часто бывало. Но ведь эта встреча была последней... Время вернуть нельзя, но Яна Максимовна всегда будет со мной во всех моих делах и мыслях.

Салатик из свеклы. Легко в жаркое лето так

легко или дома или в саду... очень вкусно и полезно

Никогда не забуду Яну Максимовну в декабре 1999 г. ... в этот раз перед моей поездкой. Я уехала домой в Украину, чтобы начать у родителей и начать работу в Украинском институте Тарасовых. Осталось в памяти только то, что

И.Н. Скворцова,

старший научный сотрудник кафедры биологии почв факультета почвоведения
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Нет больше с нами Яны Максимовны Аммосовой, но осталась ее аура и, может быть, ненаписанное завещание, которое мы могли бы воссоздать с пользой для себя и в память о ней. И те, кто любили Яну Максимовну, и те, с кем она была в далеких отношениях, странным образом, одинаково больно ощутили эту утрату.

Прежде всего, Яна Максимовна была совокупным воплощением самых ценных и характерных черт ее поколения, в первую очередь, обязательности и надежности, самоотдачи и стремления успеть сделать как можно больше из намеченного, в равной мере, в жизни и работе.

Яна Максимовна придавала огромное значение поддержанию гармоничных человеческих взаимоотношений. Она искренне верила, что все окружающие ее одинаково любят, как это обычно бывает с нами в детстве. И сама она излучала приветливость, а, например, от случавшейся порой внезапной холодности кого-нибудь из сотрудников она глубоко страдала.

Яна Максимовна остро воспринимала чужую боль, она всегда была готова открыто восстать против несправедливости по отношению к другим людям. И знавшие ее очень благодарны ей за это.

Яне Максимовне были свойственны широта души и не просто хорошее, а нежное отношение к людям независимо от их ранга. Ее умение угостить, заботиться об окружающих людях - коллегах, аспирантах, студентах, ветеранах войны и труда - было ее «второй профессией». Недаром Яна Максимовна много лет до самой кончины была любимым всеми председателем Совета ветеранов войны и труда факультета почвоведения; ее работа на этом посту не раз отмечалась грамотами и поощрениями.

Она любила делать подарки и сюрпризы, спешила обрадовать, например, сообщением о вышедшей совместной статье или о посланном по ее инициативе материале на научную зарубежную конференцию. Многие были и остались благодарны Яне Максимовне за разнообразную помощь.

Многое, многое хорошее ушло из нашей жизни вместе с Яной Максимовной, но ощущение ее тепла, ее присутствия среди нас, ее неизменно спокойного и доброжелательного тона в общении всегда останутся с нами и мы повторяем еще и еще раз: «Не говори с тоской - их нет, но с благодарностью - БЫЛИ!».

Ирина Рудакова,

кандидат биологических наук, выпускница факультета почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, ныне проживает в г. Уппсала (Швеция).

Волею судьбы я стала последней ученицей Яны Максимовны Аммосовой, которой она открыла дорогу в большую науку. После окончания факультета почвоведения я стала ее аспиранткой, и она была не только моим руководителем, но и очень близким мне человеком. Яна Максимовна часто, когда мы не имели возможности встретиться и поговорить, оставляла записки, и эта характерная черта, знакомая многим ее студентам, мне очень нравилась. Она писала красивым понятным почерком, обычно на большом листе. Своих аспиранток она называла уменьшительными именами. Ее «послания» касались, конечно, работы и может быть иногда в конце просила не забыть полить цветы в кабинете, к которым она относилась как к живым существам. Несмотря на то, что комната ее была загромождена приборами, образцами и бумагой, у нее всегда было уютно.

Когда в 1996 г. мы были с ней во Вроцлаве (Польша) на конференции IHSS, после того, как мы занесли свои вещи в наш двухместный номер, мы пошли в город, где Яна Максимовна купила цветы специально в нашу комнату. В номере она постелила салфетку, взятую из дома, на один из столов. Ей нравилось создавать уют и удобства, где бы она ни была - дома, на даче, в рабочем кабинете, в гостиничном номере.

Яна Максимовна любила путешествовать, она прекрасно знала английский язык и говорила на нем с очень милым акцентом. Когда я собиралась на стажировку в Англию, она рассказала о своей поездке в Ньюкасл и о том, что Бирмингем, куда я собираюсь ехать, был огромным промышленным, сильно разрушенным во время войны городом. Заодно она заказала мне купить для нее шотландский килт и шерстяную кофту. Яна Максимовна была полной женщиной, и я была рада, что смогла найти килт, который ей прекрасно подошел. Они так ей понравились, что она, переодевшись прямо в кабинете, решила пойти в тот же день в этом костюме на какой-то вечер в Постпредство Якутии.

Яна Максимовна превосходно готовила, особенно вкусно у нее получались пироги с различными начинками. Она пекла их в дорогу, на какую-нибудь конференцию, на праздники или на кафедральные банкеты. Когда она приглашала меня с Аней Зиминной к себе домой, мы знали, что она собирается нас плотно накормить обедом из четырех или пяти блюд. Любимыми блюдами у нее были запеченная рыба в сметане, гороховый суп с бараниной, который очень любил ее муж, всевозможные салаты из овощей. Летом в жаркие дни на даче или дома она готовила очень вкусную окрошку.

Последний раз я видела Яну Максимовну в ноябре 1999 г., спустя год после моей защиты. Я уехала домой на Украину, чтобы побыть у родителей и нашла работу в Киевском институте биохимии. Однако, в течение этого года, я

поддерживала связь и неоднократно приезжала к Яне Максимовне в Москву. Тогда в ноябре Яна Максимовна была проездом в Киеве по пути в Тернополь, вместе с Л.К. Садовниковой, и на обратном пути они посетили мой дом. Через Яну Максимовну я познакомилась с ученым из Шведского сельскохозяйственного университета (г. Уппсала) Эрасмусом Отаббангом, который затем стал моим мужем. В наших отношениях с ним Яна Максимовна сыграла важную, решающую роль, помогая мне больше узнать и полюбить этого прекрасного человека. Яна Максимовна была настоящей матерью для меня, и мои родители ее очень уважали и любили. Также она была незаменимым другом, я не знаю, смогу ли в жизни встретить еще такого же замечательного человека, какой была Яна Максимовна. Наверное, нет - настолько она была уникальной.

Моя сестра

Лена Максимовна Аммосова

16 марта 2000 г., пожалуй, самый черный день в моей жизни. Чернее даже, чем день 1956 г., когда мы узнали не только о реабилитации, но и о смерти папы, чем 13 октября 1973 г. - день смерти мамы, чем 6 ноября 1989 г. - день смерти моей внучки Лены, чем 10 августа 1991 г. - день смерти сестры Али. Потому что в этот день не стало Яны, а я осталась единственной представительницей семьи, которую образовали 2 октября 1923 г. в городе Якутске Максим Кирович Аммосов и Раиса Израилевна Цугель. Ибо двое – это семья, а одна – уже не семья. Правда, у папы и мамы есть продолжатели их рода: осталось трое внуков, пока шестеро правнуков.

Мой старший сын Максим на похоронах Яны отметил основную суть своей тети и моей сестры: «Когда говоришь слово Яна, то прежде всего оно ассоциируется со словом любовь, с ее светящимися, любящими именно тебя глазами».

Яна - это любовь ко всему, что есть в жизни. Она любила всех нас - свою семью, родных и близких, друзей, работу, любила жить и радовалась от ощущения самой жизни во всех ее проявлениях.

С самого детства, более 60 лет меня сопровождали ее любящие глаза. Ей было шесть лет, когда она стала заботиться обо мне. Я так и осталась для нее маленькой сестренкой, хотя давно стала бабушкой.

Нас было трое сестер. Нам, Але, Яне и мне, очень повезло с родителями. Они любили друг друга, передали эту любовь нам, своим детям, чтобы мы передали ее уже своим детям. Мама так любила папу, что смыслом всей ее жизни после его ареста стало ожидание его живым, возвращение обратно в семью и восстановление его честного имени. Она в нас, своих детях, видела прежде всего то, что мы - его частица. В каждом из нас мама находила какие-то, одной ей известные черты отца. Для того, чтобы мы выросли здоровыми, получили образование, стали людьми с разносторонними интересами, как хотел этого он, мама не жалела ни своих сил, ни здоровья. Жизнь мамы - это гимн одной, большой любви. И в этом смысле Яна больше всех скопировала маму. Любовь к своей семье была для нее самым важным, даже главнее ее любимой работы. Она и характер мамы унаследовала. Они настолько одинаково ко всему относились, что мы с Алей иногда и не спрашивали, что думают по какому-нибудь вопросу обе. Достаточно было знать мнение одной из них. После похорон мамы, когда ушли все друзья и родные, мы трое сели на кухне и долго молчали. Вдруг Аля и я услышали знакомые мамини слова и интонации: «Ну, девочки, как будем жить дальше?». Это Яна сказала совершенно машинально. И мы стали жить. Уже без мамы.

Между мной и Алей разница в 13 лет. Пока были маленькими, мы

больше общались с Яной, Аля принадлежала к миру взрослых. Мама советовалась только с ней, она вместе с мамой наравне добывала средства к существованию. Наша обязанность с Яной была все делать по дому, стараться не мешать им работать. Но Аля, даже когда болела, брала на дом чертежную работу или переводила (она хорошо знала немецкий) и на общение с нами у нее не оставалось сил.

Потом, когда я сама стала мамой, разница в возрасте между нами всеми вдруг как-то нивелировалась. Мы стали все трое очень близки, но все равно я для своих сестер до самого конца их жизни оставалась предметом непрестанной заботы, любви и тревоги. Я должна была обязательно доложить обеим, где я и куда иду. Яна отводила меня в детский сад (или ясли). Шла потом в школу, по окончании занятий забирала меня, и до самого вечера мы были вместе. Мы знали друг про друга все. У нас был один общий круг знакомых. Ее друзья воспринимали нас тоже вместе как в школе, так и в институте. Нас учили одни учителя. И я в течение пятнадцати лет слышала от них: «А вот ваша сестра...».

Когда я кончила школу, то мне не надо было думать в какой идти институт. Яну приняли только в МХТИ им. Д.И. Менделеева. Почти все другие институты для детей с нашей судьбой были закрыты. Я и факультет не выбирала, поскольку даже в Менделеевке нас принимали или на топливный, или силикатный. Но заниматься технологией цемента, стекла и т.п. мне что-то тогда не хотелось. Хотя потом, лет через десять, пришлось изучать свойства разных сортов керамики и стекол.

У нас был открытый дом: всегда приходило много народу, для каждого мама находила ласковое слово, поила чаем, внимательно слушала наши разговоры. Часто пели песни. Никогда не было духа обиды, озлобленности на все случившееся. Мама свято верила в то, что справедливость всегда восторжествует, что страшная ошибка будет исправлена.

Яна первая узнала о реабилитации. С ней дружил Мельчаков Саша, сын репрессированного в те же годы Первого секретаря ЦК ВЛКСМ, который прослышал об этом случайно. Мама поручила ей выяснить, какие документы надо собирать. До этого она получила отказы на свои прошения в 1939, 1940 и 1947 гг. (Отец был осужден без права переписки сроком на десять лет, раз в год разрешалось послать небольшую посылку с теплыми вещами и очень небольшим количеством продуктов, что мама делала все десять лет. Поскольку посылки принимали и даже выдавали квитанции об их приеме, то мы верили, что папа жив. Правда, после 1947 г. посылки не принимали, но их не брали у всех, кто был арестован по 58 статье с таким приговором). Мама долго сомневалась – стоит ли начинать. Она считала, что получение еще одного отказа может отрицательно сказаться на деле папы, но неожиданно для нее Яна продолжала настаивать, просила еще раз попытаться начать борьбу за честное имя отца. Она обосновывала свое мнение, ссылаясь на отсутствие тех людей, которые начи-

нали репрессии (не было в живых ни Сталина, ни Ежова, ни Берии и других). И мама решилась.

Реабилитация шла очень долго, трудно, с начала 1954 г. по апрель 1956 г. Это совершенно другая история. И все время Яна, одна или вдвоем с мамой, ходила на Лубянку. Але делалось плохо с сердцем при одной только мысли о том, что ей надо общаться с работниками НКВД (после ареста отца она заболела, через несколько лет был поставлен диагноз - порок сердца). Я же считалась маленькой.

Наконец, в конце апреля 1956 г. позвонил следователь, занимающийся делом папы, и срочно вызвал Яну на беседу. Мы сильно испугались - такого за два года еще не было. Яна отсутствовала несколько часов. Она пришла усталая и какая-то необычная, держа в руках две маленькие, на полстранички, бумажки: справку о реабилитации и справку о смерти. Молча подала их маме. Она первая узнала страшные подробности о последних месяцах жизни папы.

Вместо праздника в доме поселился траур. Мама слегла: все эти годы ее не покидала надежда, что папа жив. Впервые мы увидели маму совершенно с белым, без единой кровинки лицом, не произносящей ни слова, какой-то маленькой, сгорбленной, с потухшим взглядом. Так продолжалось трое суток. А потом она молча встала и пошла на работу. Улыбалась редко.

Но жизнь всегда преподносит сюрпризы. Яна выходит замуж. Надо помогать новой семье. Хлопоты радостные, желанные для каждой матери. Политическая реабилитация папы совпала со свадьбой Яны. Свадьба состоялась 12 мая 1956 г.

Семья у нее получилась дружная, наполненная счастьем, любовью и заботой друг о друге. Яна и ее муж Юрий Георгиевич Красников увлечены огромной творческой и научной работой, много времени отнимает воспитание дочери Аленки, хотя помогают обе бабушки (мама и Юрина мама - Раиса Иосифовна). Оба защищают кандидатские диссертации, причем дома помогают друг другу в оформлении работ при печатании текстов, рисовании чертежей, хотя Яна - химик, а Юра - физик. Потом оба работают над докторской диссертацией. Юрий Георгиевич успешно заканчивает работу и становится доктором физико-математических наук, Яна же не успела завершить свою.

Дочь тоже стала химиком, закончила тот же институт, в котором училась Яна, но другой факультет. Аленка - копия своей мамы, много работает, окружена друзьями, очень общительна и обаятельна. Она рано вышла замуж. Подарила Яне двоих внуков. Старший внук - Юраша, учится в Физико-техническом институте, перешел на пятый курс, получил звание бакалавра. Внучка Даша учится в школе, ей 13 лет. Она хорошо, как и бабушка, знает английский язык.

Моя сестра прожила большую и красивую жизнь. Она была счастлива. Думаю, что папа и мама радовались бы ее счастьем вместе с ней.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Некролог, опубликованный в газете «Якутия»	4
<i>Л.К. Садовникова</i> Памяти Яны Максимовны Аммосовой	5
<i>Ягодин Г.А.</i>	8
<i>Варшал Г.М.</i> Яна Аммосова: взлеты и падения	10
<i>Горохова Е.Н.</i> О Яне Максимовне Аммосовой	16
<i>Ксстылева Р.</i> Мы жили с надеждой на будущее	19
<i>Ивановская Л.Н.</i>	24
<i>Аржаковы К.С. и А.С.</i> Подруга	31
<i>Садовникова Л.К.</i>	33
<i>Куваева Ю.В.</i> Талант жить полной жизнью и увлекать всех за собой	36
<i>Якименко О.С.</i>	40
<i>Прохорова И.И.</i>	45
<i>Колесников М.П.</i> Воспоминания о Яне Максимовне	48
<i>Скворцова И.Н.</i>	50
<i>Рудакова И.</i>	51
<i>Аммосова Л.М.</i> Моя сестра	53

*~ 1947 г. Фотография
с комсомольского билета
(печатается впервые)*

*~ 1954 г. Начало научных исследований
(печатается впервые)*

Средняя школа № 57 г. Москвы. Яна в верхнем ряду третья справа
(печатается вперевы)

— 1924 г. Яна в кабинете преподавания

*Слет туристов МХТИ им. Д.И. Менделеева.
14 сентября 1952 г. (печатается впервые)*

Ученые института (1952 г.) на экскурсии в лесу.

*г. Жуковский Московской области, 1956 г. В гостях
у будущего мужа Ю.Г. Красникова (печтается впервые)*

Друзья молодости 1955 г. (печтается впервые)

1958 г. (печатается впервые)

*На крыльце дома в г. Якутске, декабрь 1967 г.
(печатается впервые)*

Трижды в жизни в 1955 г. Печатаются впервые

г. Якутск, 25 декабря 1967 г. (печатается впервые)

На даче в семье Местниковых, 26 июня 1962 г.

*В день рождения Р.И. Цугель – Аммосовой собрались дочери, внуки и друзья. Сидят: У.Н. Нестерова – Аргунова, Н.Н. Захаренко, Р.И. Цугель – Аммосова, Л.Д. Котенко (Гомериштад), А.С. Аржакова, А.А. Черепанова (Барахова); стоят: Аэлита, И.А. Аргунов, Яна, Лена; в нижнем ряду сидят: Таня Аргунова, Максим — сын Лены, Лена — дочь Яны.
26 октября 1970 г.*

В гостях у своих двоюродных сестер, 1972 г.

1977 г. Эти национальные костюмы сшила нам
Мотя — дочка младшего брата нашего отца Дмитрия

1980 г. С внуком Юрашей (печатается впервые)

Участники праздничного мероприятия в Хатырки

Фотография печатается впервые

Сентябрь 1987 г. (воспоминания родителей)

1987 г. В доме Дмитрия Кировича родные и близкие, в основном семья его дочери Моти (печатается впервые)

1989 г. в фот. Д.И.Тихонова, ул.Солнечная, д.10, в фотостудии «Солнечная»

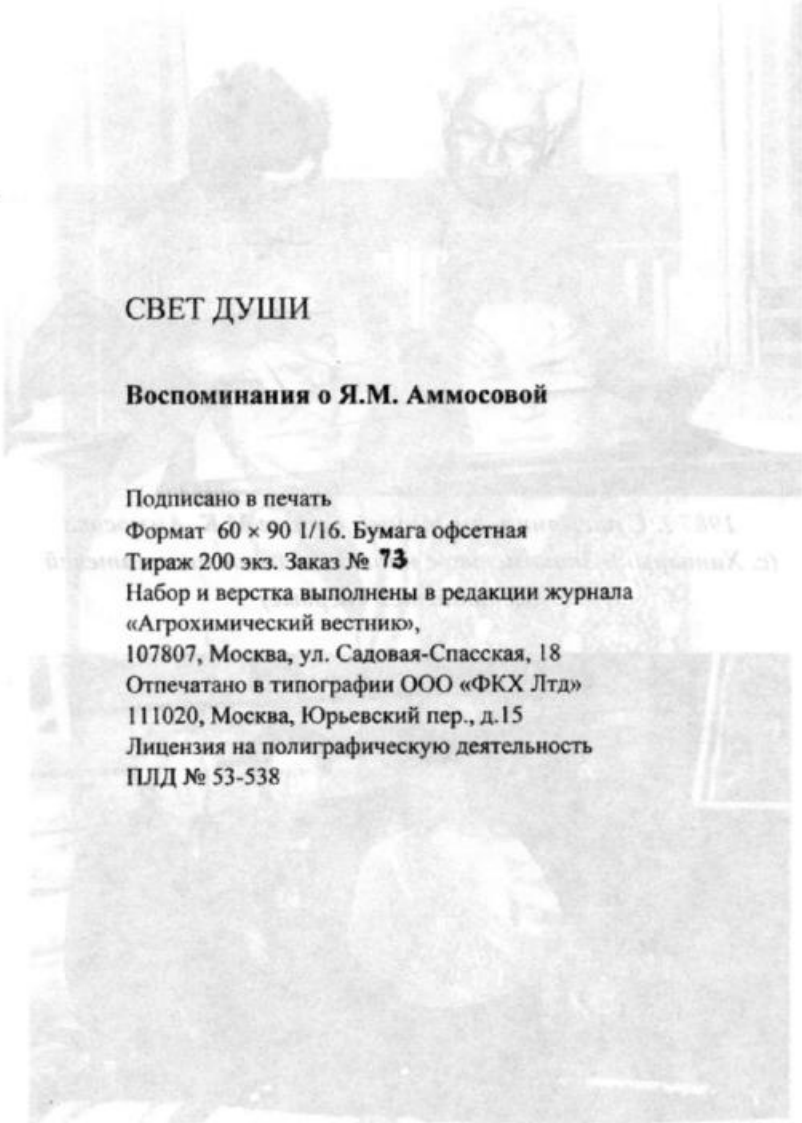
Сестры, 1989 г. (печатается впервые)

*1987 г. С племянником Мишей в музее М.К. Аммосова
(с. Хатырык). Знакомство с книгой отзывов посетителей
(печатается впервые)*

*Связь поколений, 1999 г. Дочери выдающихся политических
общественных деятелей Е. Ярославского, К Гаврилова и
М. Аммосова (печатается впервые)*

СВЕТ ДУШИ

Воспоминания о Я.М. Аммосовой

Подписано в печать

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная

Тираж 200 экз. Заказ № 73

Набор и верстка выполнены в редакции журнала
«Агрохимический вестник»,

107807, Москва, ул. Садовая-Спаская, 18

Отпечатано в типографии ООО «ФКХ Лтд»

111020, Москва, Юрьевский пер., д.15

Лицензия на полиграфическую деятельность

ПЛД № 53-538

Сентябрь, 1999 г. (печатается впервые)

Составитель: Е. В. Воронцов
и редакция «Агрохимический вестник»
М. Аммосова (печатается впервые)

